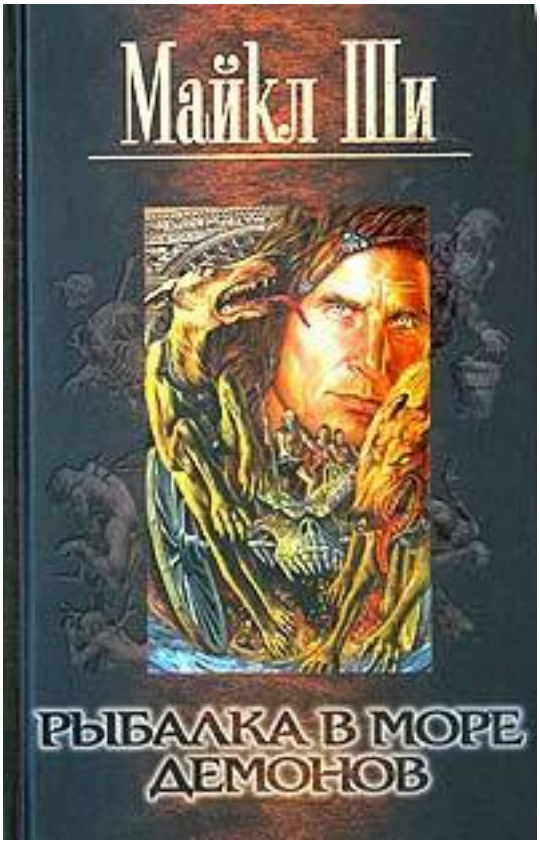

Майкл Ши
РЫБАЛКА В МОРЕ ДЕМОНОВ

Ниффт Проныра

Майкл Ши

Гнездо Горной Королевы

1996

Ши М.

Гнездо Горной Королевы / М. Ши — 1996 — (Ниффт Проныра)

Отправившись на жемчужные прииски, где их ждала опасная работа, Ниффт и Барнар терпят кораблекрушение. Воспользовавшись их незавидным положением, Мастер Ульев Бант предлагает героям подзаработать, украв у страшной Горной Королевы около кварты некоей божественной субстанции, истекающей из пор ее тела. Кажется, это выгодное дельце, но прекрасно продуманный план неожиданно идет наперекосяк…

© Ши М., 1996

Содержание

Предисловие Шага Марголда к повести «Гнездо горной королевы» 5
Первое отступление Шага Марголда 8
Второе отступление Шага Марголда 10
I 11
II 19
III 23
IV 26
V 28
VI 33
VII 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Майкл Ши
Гнездо Горной Королевы

Линде, нежной возлюбленной! Делле и Джейку, столь дорогим нам.

Предисловие Шага Марголда к повести «Гнездо горной королевы»

Мой старый друг Нифft с искренностью, возможно непреднамеренной, выставил в своем повествовании на всеобщее обозрение один – два порока, присущих его натуре. Несмотря на это, память его все равно остается для меня священной. Доброе начало в нем всегда перевешивало дурное, и то же самое произошло здесь, в этом рассказе, который, невзирая на некоторые моральные несовершенства автора, содержит наиболее полный и яркий отчет о жизненном цикле Пожирателей из всех когда-либо написанных.

Хадаска Бруд, минускулонский историк, посвятил Пожирателям следующие прочувствованные, хотя и вряд ли заслуживающие звания высокой поэзии строки:

Кто жить отваживается там,
Где демонов кишат стада?
Кто пашет там и сеет?
Кто урожай снимать посмеет?
Кто в мир бессолнечный скорбей
С сохой и плугом вторгнуться решился?
Лишь Королеве то под силу!
И роет демонам она могилу
Клыками острыми, как два серпа,
Своей утробы ими заполняет закрома.
О, кто сравниться может с ней,
Пред кем весь демонов народ склонился?

Пристрастность Бруда к Пожирателям вполне понятна в человеке его национальности. Его родным Минускулонским островам, самому малому из всех крупных архипелагов, принадлежит выдающаяся роль в мировой торговле живицей, поскольку они – единственный в Агонском море участок суши между южным Кайрнгемом, где этот продукт добывают, и двумя крупнейшими зарубежными рынками его сбыта: Эфезионскими островами на юге и Великим Мелководьем на востоке. Сухая живица в виде лепешек славится как непревзойденный корм для тягловых и сельскохозяйственных животных по всему миру. На Эфезионском архипелаге, и на моем родном Пардаше в частности, ее используют и в жидком виде; раствором обрызгивают поля для повышения плодородия наших несколько бедноватых почв. Многие народы из числа обитающих на Великом Мелководье, чье существование полностью зависит от моря, подкармливают живичными лепешками плантации полипов, грядки морских прыщей, крабовые пастбища, гроты двуклапанников, многочисленные разновидности плавучих садов. Мореходы Минускулона, процветающие благодаря оживленной торговле живицей, все до одного знают стихотворение Бруда наизусть.

Учитывая, сколько пользы приносит Горная Королева человеку, – я говорю и об опустошениях, которые ее сыны творят среди демонов, и о прибыли от украденной живицы, – нет ничего удивительного в том, что ей посвящают настоящие гимны. Работы кайрнских уче-

ных (еще одна нация, находящаяся в неоплатном долгу у Королевы) также изобилуют панегириками в ее адрес. Обе эти школы ее пламенных поклонников солидарны в главном. На вопрос о происхождении Королевы Гор авторитеты Минускулона и Кайрнгема дают единодушный ответ: Великая Горная Мать сама родилась от какого-то позабытого ныне человеческого колдовства.

Надеюсь, меня простят, если я позволю себе улыбнуться. Ведь если сама Королева-Мать не что иное, как порождение великого магического искусства, которое было подвластно некогда человеку, то насколько проще нам, вампирам, пробирающимся в святая святых ее Гнезд, пока ее дети сражаются в подземных глубинах с нашими общими врагами, избавиться от чувства вины перед нею! Ибо, если Горная Мать возникла в результате усилий некоего филантропически настроенного чародея, кто запретит нам получать от нее двойную пользу? Разве человек не имеет права извлекать выгоду из собственной повозки или тягловых животных?

Кайрнцы, должно быть, особенно нуждаются в этом бальзаме для больной совести; на северной оконечности их континента (как я уже упоминал в примечаниях к «Рыбалке в море Демонов») обитатели нижнего мира активно охотятся на обитателей мира верхнего, так что из года в год большое количество людей становится их жертвами. Тем временем в южном Кайрнгеме, где Пожиратели гнездятся под Горами Сломанной Оси, пока рати демонов неизменно отступают под натиском могучих легионов Великой Горной Матери, люди энергично крадут живицу из ее Гнезд.

Те же, кто придерживается противоположной точки зрения и утверждает, что Королева Гор – естественное порождение самой земли, ссылаются на форму ее тела, которое во всем, за исключением размеров, в точности повторяет облик многих живых существ, встречающихся почти повсюду в мире. Многие ученые, чья репутация эрудитов воистину безупречна, принимают в споре о происхождении Королевы именно эту сторону. Этиолатус Многодостойный замечает: «Как могут те, чей разум открыт восприятию земных феноменов, кто чувствует биение мощного пульса планеты подошвами ног, сомневаться, что Королева Земля в Мантии Звезд способна произвести из самой себя лекарство от любой немочи, что ей досаждает? Демоны населили ее, и она породила Мать Пожирателей».

Я же, со своей стороны, питая глубочайшее уважение к изобретательности Земли, предпочитаю все-таки считать ответ на вопрос о происхождении Королевы ненайденным и непознаваемым. Что нисколько не уменьшает моей любви и трепета перед гигантами. Я нахожу немалое утешение в том, что открытие всякой новой живичной шахты стоит чрезвычайно больших усилий и денег. Хорьки-камнееды, при помощи которых отыскивали раньше подземные личиночные камеры Гнезд Пожирателей и пробивали ходы в них, существа свирепые и потому чрезвычайно опасные в обращении. Они сродни некоторым типам паразитов, что водятся в гнездах великанов. Прямым следствием угрозы для жизни, которую представляют собой хорьки, стало то, что преимущественное право владения ими отошло к анклаву астригальских ведьм, располагающих средствами направлять в нужное русло устрашающую энергию животных. Нанять у них хорьков чрезвычайно непросто и к тому же дорого, в результате чего процесс развития новых шахт в Горах Сломанной Оси замедлился до такой степени, что практически сошел лишь к восстановлению старых, которые перестали действовать в результате феномена, известного под названием бродяжничества. Возможно, астригальские колдуньи вполне сознательно поддерживают таким образом естественный баланс. Как бы там ни было, ненасытной человеческой жадности поставлен предел, и мы грабим Королеву в гораздо меньшей степени, чем могли бы.

Все, что живет на этой земле, подвержено изменениям, поэтому вопрос, которым задается Ниффт, вызывает сильнейшее беспокойство и у меня: не могут ли демоны расплодиться до такой степени, что даже Пожиратели перестанут справляться с ними? Черная закваска демонической жизнестойкости, не переставая, бродит во внутренностях планеты; ее заразные испарения беспрерывно поднимаются в воздух, невидимые, как тончайшая копоть, и беззвучно

обволакивают собою все, к чему прикасаются, неумолимо оскверняя и загрязняя его. Ее терпеливые прозрачные щупальца медленно, но верно находят свою цель… Возможно, читатель, ознакомившись с историей Гелиомфалодона Инкарнадина, а заодно и со страхами Ниффта по этому поводу, разделит мои опасения.

Коснувшись вопроса о человеческой жадности, не могу не сознаться, что публикация отчета Ниффта о так называемом напитке гигантов, производимом Королевой Пожирателей, и его мощи вызывает у меня дурные предчувствия. Два соображения убедили меня в том, что раскрыть секрет этого снадобья вниманию жадных до наживы предпринимателей будет вполне безопасно. Во-первых, рассказ Ниффта сам по себе должен обескуражить желающих воспользоваться снадобьем. А во-вторых, кто еще, кроме Ниффта и Бар-нара, вооруженных небывалым везением, сумеет когда-либо подоить Королеву?

Хотя я, естественно, стремлюсь по возможности не загромождать рассказ моего дорогого друга (а в том, что данная рукопись принадлежит перу самого Ниффта, у меня нет ни малейших сомнений) избытком собственных комментариев и толкований, некоторые лакуны я все-таки не могу оставить незаполненными. И, поскольку голос, предваряющий повествование, должен неизбежно изгладиться из памяти читателя по мере того, как развертывается история, то лучшим, на мой взгляд, способом прокомментировать ее будет вставить одно-два отступления в процессе развития событий. Таким образом комментарий окажется в непосредственной близости от того предмета, которого он касается.

Первое отступление Шага Марголда

Немногим более десятилетия до начала описываемых здесь событий Ниффту и Барнару довелось пережить совместное путешествие в подземный мир, к морю Демонов, – на него и ссылается Ниффт во время спуска в шахту. В процессе того инфернального погружения наша пара обрела друга на всю жизнь – оборотня Гильдмирта из Сордон-Хеда, которому они помогли освободиться из длительного заточения в гнусной бездне.

Пятью годами позже и примерно за такой же промежуток времени до настоящих событий Ниффт и Бернар стали владельцами небольшого плоскодонного суденышка, выиграв его за карточным столом в одном из стоящих на сваях городов Хидробани, что на Великом Мелководье. На следующее утро, позаимствовав у местных рыбаков несколько гарпунов, они вышли на нем на охоту за скульпами. Ближе к полудню они загарпунили (как им показалось) особенно крупного и симпатичного скульпа. Удар был основательный, острие гарпуна вошла глубоко в тело животного, так что охотники уже поздравляли себя с успешным исходом предприятия. И тут загарпуненный скульп растаял прямо у них на глазах, превратившись в гигантское морское чудовище, которое захватило абсолютно чистый, без капельки крови, гарпун в одну лапу и устроило им долгую увеселительную прогулку по Мелководью, на неправдоподобной скорости перескакивая через роскошные рифы, пламенеющие многокрасочной жизнью. Друзья не могли ни бросить гарпун, ни перерезать удерживавший его линь. Они оставили уже все попытки освободиться, когда гигантская ящерица вдруг разразилась мелодичными трелями на незнакомом языке, ни на миг не замедляя безумной гонки. Задолго до того как Гильдмирт принял свой обычный облик и взобрался на борт, низвергая потоки воды, друзья догадались, кто он такой.

За негаданной встречей старых друзей последовали важные события, которые вполне могут составить тему отдельного повествования, но в данном случае не должны отвлекать наше внимание. Однако именно в тот раз Ниффт услышал от Гильдмирта в высшей степени подробный рассказ о могиле Пелфера Несравненного, а также о Сандалиях, Плаще и Перчатках, похороненных там вместе с хозяином-архивором. Эти Совершенные Средства Вспоможения Преступному Обогащению давно уже стали притчей во языцех для всего света; даже неотесанные разбойники-горцы с островов Ингенской Плеяды клянутся «сапогами, колпаком и перчатками Пелфера».

Но Ниффту и Барнару редкостно повезло: они узнали всю правду об этих предметах от самого Гильдмирта Сордонского, и услышанное воспламенило их воображение. Считается, что Сандалии предоставляют своему обладателю целый спектр возможностей: от умения летать до способности бегать с такой скоростью, за которой не в состоянии уследить человеческий глаз; на самом же деле, как выяснили мои друзья, они призывают на своего владельца Благословение Скачкообразного Передвижения, под которым понимается способность совершать прыжки в одну лигу длиной. Вор, обутый в Сандалии Пелфера, всегда сможет уйти с места преступления.

Плащ делает того, кто его надевает, невидимым в широком смысле этого слова. Точнее говоря, призывает на надевшего его человека Благословение Слияния с Окружением, то есть делает его неразличимым на фоне окружающих предметов, что бы они собой ни представляли. Функцию Плаща прекрасно иллюстрирует рассказ о том, как Пелфер проник в Сокровищницу Произведений Искусства УррГурра Хапуги. Этот мерзкого вида стихийный демон внезапно вошел в Сокровищницу, когда Пелфер был за работой, но не различил его среди картин, ибо вор, облаченный в Плащ, обладал одномоментным неотличимым сходством по крайней мере с тремя живописными шедеврами эпохи: «Битвой в Трубной долине» Гууба. «Улыбающейся Мимостулой» Фазри Педофиластера и «Натюрмортом с Тыкмами и Силвами» Квонсонби –

картиной, ознаменовавшей наступление новой эры в живописном искусстве. По одному этому факту можно судить об утонченном могуществе Плаща.

Что до Пелферовых Перчаток, то они призывают Благословение Раскрывающихся Запоров на любые руки, которые в данный момент покрывают. В отношении их популярные представления не столько грешат против действительности, сколько не отражают ее истинных масштабов. Надев эти Перчатки, вор одним прикосновением способен заставить любое препятствие – будь то замок, стена, массивная дверь или земляная насыпь – расступиться, так что никакая преграда в мире не в силах сокрыть от него предмет, на который он нацелился.

Из этого становится понятно, сколь жгучее меркантильное нетерпение охватило Ниффта. Вор, завладевший снаряжением Пелфера, обречен купаться в золоте.

Но и Барнар, со своей стороны, лелеет не просто сентиментальный замысел. Разумеется, преданность семье и романтический интерес к одной красавице из клана Магнас-Дриан являются главными мотивами его действий. Именно они порождают в нем непреклонность, которая делает его способным противостоять Ниффту, алчущему Средств Вспоможения Пелфера. Однако не надо забывать, что лесистая Чилия лежит среди Великого Мелководья, чуть в сторону от Колодрианского континента. И наряду с богатым лесами побережьем материка остров удовлетворяет спрос на строевой лес, существующий в Великом Мелководье, которое больше всего напоминает бульон из разных народов и культур, где процветает торговля и воды пестрят судами и суденышками разнообразных размеров и фасонов. Судовые верфи Мелководья – настоящая бездонная бочка во всем, что касается леса. Когда лесопильни клана, которому принадлежит Барнар, завывают во всю мочь, это значит, что золотой урожай им обеспечен, а чилитские лесорубы, владеющие обширными земельными наделами, пусть и не выпускают топора из мозолистых рук, богатеют не на шутку.

Шаг Марголд

Второе отступление Шага Марголда

Сазмазм, великий демон-воитель третичного мира, был обманут чародеем по имени Ванетка, которого он нанял, чтобы тот перенес его в первичный подземный мир в обход тех замков и запоров, что с незапамятных пор удерживают его титаническую расу в глубинных бастионах. Сазмазм планировал без особого труда завоевать меньший ад и основать там империю, которая должны была послужить базой для будущих грабительских набегов на мир людей. О том, как чародей перехитрил демона, рассказано в повести «Рыбалка в море Демонов».

Стремление Сазмазма подняться из своих сумрачных владений наверх продиктовано, как и в случае с Омфалодоном, жаждой солнечного света. И, хотя обитатели третичного мира, безусловно, чудовищны, отказать их роковой страсти в величии невозможно. Некоторые известные ученые доказывают самоубийственность подобных амбиций, ибо солнечный свет, по их мнению, в одночасье уничтожил бы обитателей глубочайшей бездны мироздания. До сих пор у нас не было возможности – слава богам! – проверить эти предположения на деле.

Лихорадочная одержимость Ниффта идеей проникновения в Дом Мхурдааля также являет собой, по всей видимости, некую разновидность светомании. Среди суровых, насквозь продуваемых ледяными ветрами вершин колодрианского хребта Гхаанак, этой крыши мира, построил Мхурдааль свой Дом на исходе Янтарного Тысячелетия. Внушающая благоговейный трепет цитадель была задумана исключительно с целью размещения в ней его драгоценной библиотеки.

Редкие и древние тома, из которых составлена легендарная книжная сокровищница Мхурдааля, – это лишь половина ее прославленных чудес. В особняке хранятся не менее ста Пергаментов Бродячих Текстов, известных также под названием Книг-Кочевников, или Vella Viatica. Эти фолианты нестареющего пергамента, лишенного каких бы то ни было постоянных надписей, посещают призраки великих книг, затерянных в забытых веках. Внутри вечных обложек этих Пергаментов эпохальные труды, стершиеся из человеческой памяти, снова обретают временное пристанище и словесную оболочку. Более того, читатель, раз взглянув на мигрирующий текст, может немедленно его прочесть, на каком бы исчезнувшем языке он ни был написан. А потому, когда о библиотеке Мхурдааля говорят, что она – самый запутанный лабиринт древнего знания, доставшегося в наследство человечеству от прошлых веков, головоломка окон, ведущих в мир более широкий, чем наш и открывающих восхищенному читательскому взгляду ландшафт из историй, давно завершенных и покрытых забвением, как дома – крышами, то всему этому следует безоговорочно верить.

Тем не менее вожделение, которым пылает к библиотеке Мхурдааля Ниффт, почти ничего общего не имеет с жаждой познания. Более того, краска стыда заливает мое лицо, ибо стремления, которые пробуждает в моем друге этот кладезь премудрости, носят преимущественно меркантильный характер.

Но ведь он всего лишь вор, в конце концов, бьющийся к тому же в припадке алчности.

Шаг Марголд

I

Едва у Смерти вырвавшись из пасти,
Мы золотых лугов узрели счастье.

Первые мои шаги по той дороге, что привела меня к обладанию крупнейшим в моей жизни капиталом, раздобыть равный которому в ближайшем будущем нечего и надеяться, были достаточно неприятны. Эта темная и запутанная история началась для нас, Барнара Руки-Молот и меня, с унижения, которое привело прямо к катастрофе.

Унижение заключалось в том, что мы подрядились на тяжелую и грязную работу в живичной шахте. Катастрофа произошла в море, на исходе второй недели нашего путешествия к месту малоувлекательного предприятия. Не сулившая славы цель уже маячила впереди, когда корабль, на котором мы плыли, заглотил глабруаз-самец.

Нередко приходится слышать, как люди, которым невероятно повезло в жизни, предваряют свой рассказ словами «начало не сулило ничего хорошего». Я твердо убежден, что Госпожа Удача, прежде чем обрушить на кого-то свои милости, предварительно отвешивает избраннику пару-тройку хороших оплеух. Тем ярче в сравнении с глотком желчи, опалившим нёбо вкусом злосчастья, кажется сладость фортуны.

Шахта, на которую мы направлялись, принадлежала племяннику Барнара Костарду. Наш скорбный подземный труд представлял собой в некотором роде услугу его семье, ибо молодой Костард написал, что предприятие испытывает трудности. Путь наш лежал к северу, вдоль островов Ангальхеймского архипелага, и северные ветра, которые полосуют его побережье все лето, знай себе похлопывали нашими парусами и подгоняли кораблик вперед. Бот уже повалился за корму Гадрон, и впереди замаячил Дольмен, самый северный остров цепи. За ним приоткрылся краешек Кайрнского континента. Там, в горах Сломанной Оси, и лежала наша цель.

Средством передвижения служил нам на этот раз каррак, принадлежавший торговцу суконом и маслом из Минускулона. Суденышко было крепенькое, хотя и мелковатое, всего каких-то двенадцать саженей от кормы до бушприта. Оно резво перескакивало с гребня на гребень, обгоняя качку, игривое, словно шимфин, когда тот выпрыгивает из воды от чистого избытка жизнерадостности. Скорость, пестрящее солнечными бликами море вокруг и ярко-голубое небо – им почти удалось развеять хандру, которая тем сильнее одолевала нас, чем ближе подходили мы к месту наших бесславных трудов.

Вдруг с дозорной площадки бизань-мачты раздался крик. Мы обернулись и увидели длинную черно-палевую полосу, которая рассекала вспененную зелень у нас в кильватере. От этого зрелища всех, кто был на борту, до последнего человека, бросило в холодный пот. Полоса в длину не уступала нашему кораблю, а между тем все мы отлично знали, что это лишь часть спинного плавника глабруаза, который вспарывает водную поверхность до тех пор, пока тварь, извиваясь, не примерится как следует к нашей корме.

Едва мы успели разглядеть грозящую опасность, как море взорвалось и тварь нависла над нами, вцепившись в корпус корабля своими громадными, кривыми, точно у краба, конечностями, с которых потоками хлестала вода, в то время как его скользкое, как у угря, тело все гнулось, и гнулось, и гнулось, похотливыми толчками отчаянно пытаясь притиснуть свои чресла вплотную к доскам. Необъятный выступ его тупой морды украшали целые пучки подвижных глаз на длинных ножках, и все они извивались и вращались в экстазе. У него явно был гон – худшей встречи с глабруазом и представить себе нельзя: верная смерть. В средней и кормовой частях корабля около дюжины человек уже погибли, раздавленные его лапами. Змеиный хвост животного так и ходил ходуном в предвкушении близкого утоления страсти, и корабль, пови-

нуясь его движениям, продолжал стремительно мчаться вперед. Обрывистый каменный берег Дольмена приближался с невероятной быстротой.

Непроницаемость досок корабельного корпуса скоро привела пылкого гиганта в ярость. Одним движением швырнул он корабль на сушу; от толчка мы с Барнаром кубарем покатились назад с планшира, на который уже вскарабкались в надежде спрыгнуть наземь. Отчаянно скрипя, кораблик пролетел двадцать саженей по воздуху и врезался прямо в береговые скалы Дольмена. Но глабруаз не отставал: раззявив замшелую, источающую запах донной гнили пасть, он рванулся за несчастным суденышком и заглотил его целиком.

Он сделал это в порыве слепой, безрассудной ярости, которой славится вся его порода. Мы с Барнаром отлетели назад, к корме, когда нос судна со всего размаху грянулся оземь, и, подняв головы, успели увидеть, как нёбо чудовища нависло над нами и лязгнули зубы, откусив солнечный свет. Только крепкий бушприт кораблика остался торчать снаружи: ему не хватило места в чудовищной пасти. Он-то и стал для глабруаза роковым.

Уже проглотив нас, морское чудовище неслось на берег; бушприт заклинило между камней, и корпус судна вошел в его глотку на две сажени глубже, чем следовало. Глабруаз поперхнулся.

Челюсти монстра лихорадочно защелкали, взметнувшись к небу, – он пытался вдохнуть, – и в перемежающихся потоках света мы разглядели, что наш корабль стиснут в черном бархатном кулаке конвульсивно сжимающейся глотки так плотно, что при каждом движении обшивка трещит, как хворост в огне, а темно-бордовая кровь ручьями хлещет из разодранного гвоздями и щепками языка, уже подступая к нашим коленям.

Глабруаз, отчаянно карабкаясь навстречу воздуху, который никак ему не давался, выбросился на берег до половины и колотился о крутой каменистый склон, пока движения его не ослабели и наконец не замерли совершенно. Нас так швыряло и мотало, что выпрыгнуть из пасти животного, когда та распахивалась, мы просто не могли. Но вот челюсти его обмякли и захлопнулись окончательно.

В кромешной тьме мы слышали, что кровотечение из множества мелких и крупных ссадин в пасти чудовища продолжается. Сзади, со стороны измочаленной в щепы кормы, донесся было полузадушенный предсмертный стон человека, но тут же стих. А горячая густая кровь все прибывала, дюйм за дюймом поднимаясь по нашим ногам вверх, и в обступившей нас абсолютной черноте слышно было, как журчат ее струйки. Впрочем, не совсем абсолютной. Вскоре впереди показалась крохотная звездочка света. На ощупь побрели мы вверх по липкой от крови палубе. Мертвый воздух уже накалился, дышать было тяжело. Держась за бушприт, противный и скользкий, мы вслепую пробрались через пасть. Наконец наши пальцы коснулись громадных, покрытых мшистым налетом зубов глабруаза. Застрявший между ними обломок бушприта не давал им захлопнуться до конца.

– Думаю, мы как раз пролезем, – сказал я. – А потом придется прорубаться сквозь губу.

Клыки на ощупь напоминали щедро смазанные маслом валуны, от которых несло мертвечиной. Обдирая бока, мы все же протиснулись меж ними. Скользни обломок бушприта чуть дальше, и челюсти одной своей тяжестью раздавили бы нас в лепешку.

Пробравшись сквозь зубы, мы кубарем полетели прямо в лужу крови, скопившуюся под губами. Потом поднялись на ноги, по самые икры в крови, и ощутили, что стоим на подкладке из плотного пружинящего мяса. Для того чтобы раздвинуть эти губы, требовался титаноплод и лебедка, не меньше. Кончик бушприта, зажатый между ними, образовывал крохотную щелочку, сквозь которую внутрь проникал лучик света.

– По крайней мере, можно хоть прицелиться, – проворчал Барнар. – Я начну. Отойди подальше.

И я услышал, как Старый Кусач, его топор, впился в мясную преграду.

– Тьфу! – фыркнул Барнар, не переставая рубить. – Гадость какая! Слюнявая! Вот и посвободнее чуток стало. Хак!.. Хак! – кровищи-то сколько! Мне уже выше колена! Ладно, давай поменяемся, ты уже запыхался. Возьми мою руку и положи ее на раскол… так! А теперь на рукоятку Кусача… есть! Отойди. Хак!.. Хак!

В темноте ровно класть удар за ударом не удавалось. Приходилось рубить вслепую, а потом вырывать те куски кровоточащего мяса, которые поддавались моим усилиям. Пока я работал, Барнар размышлял вслух:

– Знаешь, Ниффт, смерть сама по себе штука неприятная. Но, клянусь Трещиной, после всего, что мы с тобой повидали, умереть на этой… пешеходной прогулке! Нет уж, благодарю покорно.

– Вынужден… согласиться… Подумай только… что будут говорить… в «Кружке и Крошке»…

– Или в «Голодном Мошеннике» за порцией пирога с пряностями. «Так ты, значит, не слыхал про этих бедолаг, Ниффта и Барнара? Похоже, им таки крышка. Как это произошло? По-моему, два недоумка направлялись на север, работать в кайрнских живичных шахтах». – «Что? Работать в шахтах, ты сказал? Стало быть, лучшие их годы уже миновали!»

– Тише, Барнар… ты расходуешь… воздух.

– Дай-ка мне Кусач, моя очередь.

Горячая кровь доходила нам до пояса, а удушливая тьма быстро свела на нет всякие разговоры. Мы рубили невидимое мясо, выцарапывали липкие лохмотья из раны. Под конец мы уже дышали с присвистом, и нам казалось, будто мы вырыли себе глубокую могилу из плоти. И тогда я наконец нанес тот благословенный удар, который впустил узкий клинышек света, а с ним и струйку соленого морского воздуха в наш смрадный склеп.

Со светом и воздухом дело пошло значительно веселее, и вскоре в стене плоти образовался туннель, через который мы оба смогли протиснуться на волю. Точно заново рожденные, мы повалились на песок под открытым небом и лежали, надрываясь от смеха, вызванного отчасти возвращением к жизни, а отчасти собственным видом, ибо нас с ног до головы покрывали слизь и кровь.

Но когда мы искупались, прополоскали свою одежду и снова облачились в нее, в головах у нас прояснилось и настроение резко упало. Кроме тощих кошельков да голых рук, которыми мы проложили себе дорогу из чудовищной усыпальницы, у нас не было ровным счетом ничего. Радость спасения скоро уступила место ощущению неудачи и неприятной уверенности в том, что для людей нашего возраста и жизненного опыта этого маловато. Больше десяти человек расстались с жизнью в глотке глабруаза, и все же потеря собственности представлялась нам в тот момент куда более важным обстоятельством, чем чудесное спасение из братской могилы. Человеческий дух, как море, тоже переживает свои приливы и отливы, а мы, судя по всему, вошли в самую низкую фазу еще до того, как нехотя согласились помочь племяннику Костарду с его шахтой.

Угрюмо потопали мы по берегу и к полудню достигли дольменской гавани. Она, как и большинство ангальхеймских портов, представляла собой не настоящую бухту, а небольшой раскол скалистой береговой линии острова. Большинство наблюдателей сходятся во мнении, что весь Ангальхеймский архипелаг есть не что иное, как горный хребет, медленно уходящий под воду, и, стало быть, все тамошние порты – это просто глубокие вертикальные складки его вершин. Сразу над доками в гору карабкались служебные постройки порта и жилые дома на сваях.

Найдя питейное заведение, где подавали мед, мы заказали порядочный кувшин этого жгуче-сладкого напитка, прославившего Ангальхейм на полмира. Мы пили, а уныние продолжало теснить наши сердца. Атмосфера таверны была подстать нашему настроению: это плохо освещенное помещение в былые времена, когда островитяне еще промышляли мор-

ским разбоем, служило залом собраний клана. Нынешние хозяева давно уже использовали его исключительно в коммерческих целях, но, гордясь буйным прошлым своего рода, сохранили закопченные потолочные балки и развешанное по стенам примитивное старинное оружие – выщербленные от долгого употребления круглые щиты и неподъемные мечи пиратской эпохи. На прочих островах архипелага жители испытывали не меньшее почтение к своим неугомонным предкам-авантюристам.

Торговля медом давно уже вытеснила пиратские набеги как основной способ добычи средств к существованию на этих островах, – глядя в окно, мы примечали многоцветное кипение хозяйственной деятельности. Нескончаемый поток людей с коробами ярких морских водорослей в руках и караванов запряженных титаноплодами телег с тем же соленым грузом беспрестанно тек в гору. Водоросли эти служили удобрением Для высокогорных цветочных пастбищ, над которыми висели Целые тучи дремотно жужжащих пчел, приносящих островам золотой урожай. Гавань внизу кишела торговыми судами; пока кайрнские корабли, груженные шкурами, солониной и живицей, стоя на якоре, дожидались, когда в порту освободится место для причала, ангальхеймские шхуны, низко сидящие в воде из-за тяжелых бочонков с медом, протискивались мимо них к выходу. В узком проливе, ведущем к гавани, ветер ерошил венчики белой пены на нефритово-зеленых волнах. Там, где на глубине ходили большие серебристые косяки, покачивались на якорях рыбацкие лодки, и нам были хорошо видны люди, которые втаскивали на борт сети, раздутые сверкающим уловом.

Но даже чарующее оживление моря и небес не в силах было вселить бодрость в наши сердца. Мы ощущали уныние, свойственное занятым не своим делом людям, получающим посредственную плату за скучную работу. Вообще-то с обязанностями откачника на живичной шахте мы были знакомы весьма поверхностно. Но уже того, что это была работа за плату, поденщина, хватило, чтобы поселить осень в наших душах и навести на грустные воспоминания о минувших годах да размышления о том, куда катится наша жизнь.

Барнар опорожнил третью кварту меду и тяжело вздохнул. Его мелодичный баритон нарушил долгое молчание.

– Дело не столько в самой работе, – произнес он раздумчиво, – сколько… в ее неблагородстве.

– К чему жонглировать словами? Шахтерам полагается заработная плата, и нет ничего удивительного в том, что все твое нутро бунтует против этого! Все, что мы можем сделать, это постоянно напоминать себе о благотворительном аспекте предприятия. Твой племянник попал в переделку, а его мать никогда бы не простила тебе, откажись ты ему помочь.

– Верно ли мое умозаключение, что вы, господа, обсуждаете откачку?

Гладкий сытый человечек в зеленой бархатной феске, сидевший на соседней скамье, всем корпусом развернулся к нам и, облокотившись на наш стол, задал свой вопрос, сопровождая его исполненной дружелюбного любопытства улыбкой.

– Буду откровенен, – ответил я, изо всех сил стараясь не выходить за пределы благовоспитанности. – Мой друг и я возражаем против любых ваших умозаключений, верных или неверных, относительно предмета нашей беседы.

– О! – Его рот озабоченно округлился. – Я помешал? Прошу меня простить! – И он отвернулся.

– Ангильдия свернула бы мне шею, – ответил на мое последнее замечание Барнар, возвращаясь к прерванному разговору, – если бы я не помог Костарду. Вот и весь сказ.

Я кивнул.

– Мудро с твоей стороны не забывать, что сил у нее для этого вполне достанет. – Барнарова грозная старшая сестрица года два тому назад перевела свою живичную шахту на сына и отправилась в море пиратствовать.

– Но вот от чего я не могу отделаться, – продолжал Барнар, – так это от сожалений: ну почему бедняга Костард такой пентюх! Заметь, я говорю это без всякого предубеждения против мальчика! Он всегда необыкновенно мило и тепло относится к своим родственникам, но при этом он такой наглый молодой осел!

– Да, – вздохнул я. – Но, по крайней мере, он останется на поверхности, пока мы с тобой будем вкалывать под землей. И заметь себе, что, в конце концов, плата нам положена весьма щедрая. Когда занимаешься воровством, то в половине случаев получаешь меньше.

Барнар отреагировал на это слабое утешение презрительным фырканьем – единственным ответом, которого оно заслуживало.

– Ну разумеется! Оплата далеко превосходит многие суммы, ради которых мне приходилось вкалывать вдвое против нынешнего, но тогда я, по крайней мере, воровал, а не пахал, как поденщик!

– Будет ли с моей стороны слишком большой смелостью намекнуть, – зеленая феска снова вынырнула по правому борту от моего плеча, – что если вы говорите о заработной плате откачника, то я знаю способ упятерить эту и без того симпатичную сумму, причем от вас не потребуется никаких дополнительных усилий, кроме как прогуляться немного по туннелям гнезда.

Барнар поднял руку, прерывая его вежливым жестом. Костяшки пальцев моего друга были сплошь покрыты давними рубцами от ударов мечей – так гладкие кварцевые прожилки испещряют иногда шероховатый гранит.

– Вы обрушили на нас такую лавину внимания, сэр, что я просто не вынесу дальнейших проявлений вашего великодушия. Прошу вас, обратите свой взор на кого-нибудь еще, кроме нас.

Лоб незнакомца под зеленой феской пошел морщинами усиленных извинений.

– В моем пылком стремлении услужить я оскорбил вас! Примите мои самые униженные мольбы о прощении! – И он снова отвернулся.

– Мало того, что работа в этих шахтах отнимает у человека всякое чувство собственного достоинства, она заставляет его ощущать себя настоящим клоуном! – подхватил нить прерванного было разговора Барнар. – Раздеться догола и вымазаться краской! Оранжевой! Да и сама откачка тоже… карикатура какая-то! Смехотворный процесс! Да к тому же мы будем новичками, и уж конечно всяких унизительных ошибок, свойственных началу любого поприща, не избежать.

– Но есть и еще кое-что, не так ли? – тихонько намекнул я. – По крайней мере про себя я твердо знаю, что мне просто не хочется спускаться глубоко под землю где бы то ни было в Кайрнгеме, вот и все тут.[1]

На это Барнар только вздохнул.

– Да уж конечно. Аж кости ноют, до чего не хочется туда лезть. Но на этот раз мы и близко не подойдем к подземному миру, это точно; да и демонов будем видеть только тех, которых Пожиратели принесут своим деткам на обед.

– Тысячу раз прошу прощения, но мое гостеприимство неудержимо просится наружу при одном лишь взгляде на вас! – Зеленая феска снова запрыгала возле нас. – Позвольте мне показать вам свои ульи!

Один удар сердца мы обалдело пялились на него.

– Пчелиные ульи! – добавил он тогда. На подбородке у него красовался клинышек черной растительности: она была так коротко подстрижена, что напоминала больше татуировку, чем бороду. Каждая складочка его холеного лица пылала гостеприимством.

---

[1] Путешествие Ниффта и Барнара к морю Демонов началось в горах Костяного Топора в Северном Кайрнгеме, где расположен Темный Путь, один из входов в подземный мир.

– Сэр, – ответил я. – Вы вынуждаете меня говорить откровенно. Нам необходимо знать, почему ваше внимание так неотступно следует именно за нами.

– Наисправедливейший вопрос! Кроме той информации, которую я не мог не услышать, – а именно что вы, по-видимому, отправляетесь работать на живичную шахту, – меня склоняет к этому некое впечатление идеального сочетания дарований, которое вы производите. Вот вы, сударь, такой высокий и сухопарый, но в то же время подвижный, как ящерица (если мне будет позволено так выразиться), а вы, сударь, гора мускулов, способны переносить воистину непомерные нагрузки. Кроме того, от вас двоих веет – как бы это сказать? – духом предприимчивости. Я уверен, что вы – люди вдумчивые и неординарные, способные смотреть на вещи с разных точек зрения. Прошу вас, господа. Разрешите показать вам мои цветочные пастбища, а также угостить вас сотами моего Столетнего Улья.

Похоже, знакомства с ним было не избежать. Он представился как Ха Оли Бант, медовый магнат, обладатель собственных пасек, кооператива, бочарных мастерских и флотилии торговых судов; а также владелец семисот гектаров Алых Зернышек, Подвязок Дьявола и Коричневых Дандиний здесь, на Дольмене. Ему же принадлежали и без малого десять тысяч ульев, которые питали эти цветочные пастбища. Мы решили, что, вне зависимости от того, окажется ли его предложение прибыльным или нет, знакомство с ним, по крайней мере, развлечет нас и доставит новую информацию.

Его открытый экипаж, запряженный тройкой костлявок одной масти, стоял у дверей трактира. Мы забрались в него, хозяин щелкнул поводьями, и мы устремились по ведущей в гору дороге наверх, к цветочным лугам, покрывавшим хребет острова.

Тактично и дружелюбно Бант объяснил, что предложение, которое он намеревается нам сделать, раскроет одновременно некий секрет обогащения, ведомый ему одному. Чтобы убедиться, что его откровенность окупится, он попросил нас хотя бы в самых общих чертах обозначить место нашего назначения и род предполагаемых занятий. Снизойдя к его просьбе, мы подтвердили его догадку о том, что и в самом деле направляемся в горы Сломанной Оси, где нас ждет работа откачников в живичной шахте. Пока мы поднимались на перевал, к северу от нас, в прозрачной, исхлестанной ветрами Дали, за синей полосой моря, на краешке южного побережья Кайрнгема как раз показалась голубоватая сыпь невысоких пиков Сломанной Оси.

– Тебе следует узнать и еще кое-что, Мастер Ульев Бант, – заявил Барнар, – прежде чем ты посвятишь нас в суть своего дела. У нас с Ниффтом есть правило: никогда не оказывать никаких услуг незнакомцам без надежной гарантии в виде золотого песка или монет в количестве, отвечающем сложности требуемых действий.

– В высшей степени разумное и приемлемое правило! – восхищенно воскликнул Ха Оли. Затем, забыв на некоторое время о деле, он принялся любезно комментировать подробности раскинувшегося у наших ног и волнуемого ветрами пейзажа такой красоты, что мурашки бежали по коже. Северные ветра отполировали небо до стеклянной прозрачности, и оно горело неистовым голубым пламенем. На юге острова Ангальхеймского архипелага армадой шли по сияющему морю, рассекая каменистыми хребтами волны, точно огромный флот, возвращающийся в родной порт в подбрюшье Кайрнского континента. Вылизанные языками ветра проливы, окаймленные пенистой бахромой, имели цвет расплавленного серебра, чуть подрумяненного медью. Мы с Барнаром обменялись осторожными взглядами. Оба чувствовали, как жизнь снова обретает вкус. Золотые монеты (или песок), которые, в избытке предложенные в качестве платы за честный труд, наводили на нас тоску всего несколько минут тому назад, теперь вновь заискрились перед нами, маня к новым горизонтам.

Вся верхняя часть острова Дольмен, точно роскошным плюмажем, покрыта цветочными пастбищами. Как они радовали глаз в косых лучах золотого солнца, эти акры шелковистого дикого огня! Бант задернул вокруг экипажа прозрачную газовую занавеску. Каждый квадрат-

ный дюйм воздуха заполняли пчелы: они упрямо висели на ветру, непрерывным дождем обрушиваясь на цветы, живой ливень парил в воздухе, проливался, возносился и проливался опять.

Пока мы разъезжали по пастбищам, последние остатки недавнего уныния спали с нас, точно шелуха. Ровные дорожки то и дело открывали перед нами перспективы, от которых занимался дух, или погружали нас в луга, где мы катились, окруженные живыми радугами, в которых цвет соединялся с восхитительным ароматом и сонным бормотанием пчел, повергая нас в неземной восторг. Чужестранцы во множестве совершали экскурсии по тем же ароматным лабиринтам в точно таких же экипажах с гербами Пасеки Банта на дверцах, но тропинки были так хитроумно спланированы и искусно проложены, что мы практически не встречались с ними и наслаждались иллюзией полного одиночества в цветочных лугах.

– Моему Столетнему Улью нет равных здесь, на Дольмене, – рассказывал нам Бант. – Только на Астригалах найдутся пять-шесть таких, что смогут с ним потягаться. В нем живут семь династий пчел, самая молодая из которых насчитывает сто поколений.

Более молодые ульи, как мы убедились, представляли собой многогранные хатки, чьи стенки из темного, маслянистого гармониевого дерева покрывали роскошные резные орнаменты с повторяющимися мотивами пчел, медовых сот и цветов. Они были так велики, что по ним можно было ходить, – внутри глазу посетителя открывался лабиринт деревянных рамок, заполненных сотами, которые, казалось, поросли шерстью – так густо покрывали их занятые своим делом выводки пчел.

Столетний Улей своими размерами втрое превосходил любой из обычных. Внутреннее его пространство заливал приглушенный янтарный свет, проникающий сквозь забранные матовым стеклом отверстия в крыше: освещение было необходимо для работы пчеловодов. Тонкие, как осенняя паутина, сеточки отмечали тоннели, по которым мы продвигались сквозь сладкую мглу, оглушающую вековечной песнью неустанно вибрирующих крыл.

– Гадра-Аркония Шестнадцатая, – дрогнувшим голосом произнес Бант и потянул нас к глубокому гроту. Мы остановились, созерцая ее. Эта пчелиная матка была титаном своего племени, одно ее тяжелое, беспрестанно шевелившееся брюшко намного превосходило размерами мою ладонь. Из него с регулярностью часового механизма высовывался яйцеклад и выбрасывал семена, которым суждено было превратиться в рабочих пчел, в свежевыстроенные восковые ячейки. Вокруг матки кружили адъютанты, не достигавшие и десятой доли ее размеров. Они обступили ее льстивой толпой и, казалось, целовали ее бока, хотя на самом деле в этих беспрестанных касаниях жвалами и антеннами заключался пчелиный разговор; одни улетали, их место тут же занимали другие, и поклонение вечно возобновляющихся толп длилось бесконечно.

Если Бант и намеревался сопроводить это назидательное зрелище какими-то откровениями, то явно передумал. Пока мы ехали назад, к главному зданию медоварни, в нем совершалась какая-то борьба. Прибыв на место, мы погрузились в покойные кресла его личного кабинета, куда нам подали весьма впечатляющий мед. Он выпил вместе с нами и вздохнул.

– Господа. Я многое должен вам поведать, но необъяснимая сдержанность одолевает меня. Простите ли вы мою уклончивость, которая с легкостью может быть истолкована как недоверие? Простое обозначение того, к чему я стремлюсь, сделает цель моих поисков понятной любому вдумчивому слушателю.

Ну вот. Выслушайте же мое предложение. Работа откачников приведет вас прямо в личиночные камеры гнезда Пожирателей. Если вы будете просто исполнять предписанные обязанности, то никаких причин покидать их и двигаться дальше у вас не будет.

Но я надеюсь, что трехсот мер золотого песка на каждого хватит, чтобы убедить вас покинуть камеры и побродить немного по гнезду, пока вы не найдете Королевскую Родильную Камеру, где лежит Королева, занятая кладкой яиц, и принести оттуда около кварты некоей

божественной субстанции, истекающей из пор ее тела, которую вы должны будете поднять на поверхность и передать мне, когда срок вашего пребывания в шахте подойдет к концу.

Мы с Барнаром переглянулись. Нам пришлось приложить усилия воистину нечеловеческие, чтобы скрыть то изумление и восторг, в который нас повергла только что упомянутая Бантом непомерная сумма.

– Давайте раз и навсегда оставим недомолвки, – сказал я. – Вы утверждаете, что заплатите нам три сотни мер золотом еще до того, как мы выйдем отсюда, по сто пятьдесят на каждого, только за обещание попытаться сделать то, о чем вы нас просите? И эти три сотни станут нашей неотчуждаемой собственностью за одну только попытку, а если мы в ней преуспеем, то получим вторую аналогичную сумму?

Бант быстро справился с колебаниями; мы успели заметить лишь легкую дрожь, пробежавшую по лицу негоцианта, – несомненное проявление подавленного желания поторговаться.

– Именно так!

Не без некоторой внутренней борьбы нам с Барнаром удалось скрыть охвативший нас восторг. Не далее чем сегодня утром одно движение глотки глабруаза отделяло нас от мучительного процесса превращения в фекальные массы чудовища. А в полдень мы уже стали богачами.

II

Так будем париться, раздоры отогнав,
И с банщицами гибкими, младыми
Познаем счастье в золотом Сейчас,
Не омрачаясь мыслями иными.
Пусть Будущее гнев не пробуждает в нас.

Мы отплывали с отливом, вскоре после наступления сумерек, и Ха Оли Бант отправлялся вместе с нами. Барнар и я предпочли бы послоняться вдвоем по городку да поспрашивать жителей о том о сем, чтобы составить свое представление о странной работенке, на которую мы подрядились. Но Бант оказался на редкость прилипчивым и ни за что не хотел расставаться с нами. Возможно, он опасался как раз наших вопросов и тех размышлений, на которые они наведут слушателей. Он взял нас с собой приглядеть за снаряжением принадлежавшего ему парома, который должен был доставить нас на кайрнское побережье, и поминутно спрашивал нашего совета относительно припасов и упряжки, на которой нам предстояло ехать от гавани Кайрнские Ворота до Костардовой шахты «Верхняя», что в Горах Сломанной Оси. Потом, когда солнце начало клониться к западу, он пригласил нас в свою впечатляющую резиденцию, из окон которой открывался вид на гавань.

Здесь, в полной безопасности, за охраняемыми стражниками дверьми, нас уже поджидали его крепкие слуги, чтобы передать в наше владение два компактных, но увесистых седельных мешка. Сам Бант, прежде чем подняться наверх и позаботиться о программе развлечений на вечер, предоставил в наше распоряжение свои роскошные бани. Кажется, он не удивился, хотя и поднял для виду бровь, когда мы заявили, что возьмем деньги с собой.

Гибкая, точно змея, банщица в полупрозрачном одеянии, умопомрачительно благоухая цитрусами, проводила нас в парную и, выполняя нашу просьбу, оставила наедине с амфорой воды и огромной жаровней, наполненной тлеющими углями. Наконец-то мы были одни. Скинув кожаные сумки мы разделись и принялись выпаривать последние остатки глабруазовой слюны из своих пор. Нетерпеливо дернув за шнурок, я развязал горловину своего мешка. Барнар последовал моему примеру.

– Бог ты мой, – только и смог вымолвить я. Посмеиваясь, я зарыл пальцы в золото, и гремучие монетки вторили, казалось, моему смеху. Мягкие отсветы рдеющих углей согревали их, придавая их блеску жирный маслянистый оттенок. – Барнар, ты только посмотри, – захлебывался я. – Колодрианские ликторы! И какая великолепная чеканка! – Допускаю, что причиной этого дурацкого восклицания стала безумная радость, которую я в тот момент испытывал, однако ухватистая восьмиугольная монетка с профилем Джаркела Седьмого, покорителя Ладгасской Тундры, и впрямь очень красива. Этот монарх был посредственным солдатом, победу ему добыли генералы, но его пухлые щеки преуспевающего человека как нельзя более уместно выглядят на монетах, оборотную сторону которых столь же удачно украшает изображение откормленного жертвенного животного, каурока (предка, по мнению большинства, кайрнских гнуторогов), с увешанными гирляндами рогами.

– И у меня тоже! – заливался Барнар. – Вперемешку с кайрнскими квадрунами! – Я не мог удержаться от смеха, до того мой друг походил на ребенка с корзинкой сластей во время эфезионского праздника урожая (хотя я и сам, надо полагать, мало чем отличался от него в тот момент). Глаза у Барнара дымчато-серые, цвета вечно подернутого дождливой пеленой небосклона его родной Чилии, но отблеск нашего золота зажег в них зеленые искорки, так похожие на зелень лесов, окутывающих его островную родину. Его широкий, плоский, неоднократно ломанный в драках нос раздувался, точно у быка, возбужденно втягивающего утреннюю све-

жесть. Кроме всего прочего, Барнар наделен отменным чувством юмора, но даже мне нечасто приходилось видеть, чтобы его тяжеловатое лицо так лучилось весельем, как в тот раз.

– Знаешь, старинный мой спутник, – обратился я к нему, – в этой славной, ядреной жаре мне начинает казаться, то мы вот-вот сольемся с нашим золотом воедино и превратимся в невиданные сияющие существа, лучистые и бессмертные.

– Сразу слышно, – отозвался он, – настоящего сумасшедшего. Хотя я, по правде сказать, и сам едва не спятил от радости, заполучив такое богатство. Такое огромное богатство, Ниффт, что теперь наконец-то мы могли бы… – Взгляд его стал сосредоточенным, он явно собирался перейти к серьезным материям, но я перебил его, в такое возбуждение привела меня внезапно мелькнувшая мысль.

– Барнар, отдаешь ли ты себе отчет в том, что теперь мы наконец-то можем приступить к великому деянию, совершить которое мы поклялись пять с лишним лет тому назад? – Его ответный взгляд был до такой степени лишен всякого выражения, что я невольно запнулся. – Ты что, не понимаешь, о чем я? Сандалии, Плащ и Перчатки Пелфера Несравненного! Которые можно получить, лишь взяв его могилу штурмом и укротив ее бессмертных хранителей.[2] Ну, теперь-то ты видишь, что, как только оставшиеся три сотни мер будут у нас в кармане, нам вполне хватит денег, чтобы нанять шесть надежных кораблей и сотню первоклассных солдат. С боями мы проложим дорогу через степь еще до того, как осень будет на исходе, если управимся на шахте твоего племянника не позднее чем через полмесяца.

К моему величайшему смущению, лицо Барнара приняло вдруг оскорбленное выражение.

– Возможно, ты и прав, намекая на несовершенство моей памяти, Ниффт, позволившей мне забыть, как ты жаждешь заполучить атрибуты могущества великого Пелфера. Но, как мне кажется, у меня, в свою очередь, есть еще более серьезные основания для упреков. Ибо разве это не мы два года тому назад, на Балу Карманников в Кархман-Ра, принесли торжественную клятву, что если когда-нибудь разбогатеем достаточно, чтобы позволить себе покупку Ведьминого Семени, то, не медля ни минуты, отправимся в Чилию и вновь засадим лесами Гам-Гадрианскую долину, издавна принадлежавшую моей семье, но жесточайшим образом лишенную лесного покрова за время пребывания в руках врага?

Я чуть было не рявкнул: «Ты что, хочешь поймать меня на слове, которое я дал на пьянке?» Ибо, как только он напомнил мне об этом событии, я сразу понял, что он имеет в виду: некоторый переизбыток горячительных напитков заставил меня принести сентиментальную клятву, что я буду считать возвращение молодости родной долине Барнара своей святой обязанностью до тех пор, пока благоприятные обстоятельства не помогут исполнению этого обета. И, разумеется, обещание помочь другу восстановить былую силу его земли и славу его клана связывало меня, и я на самом деле намеревался его исполнить, но только в другое, более подходящее время.

– Дружище, – начал я уговаривать его, – когда наши пути пересеклись с дорогой Гильдмирта во второй раз и этот великий маг открыл нам местоположение легендарной могилы Пелфера, разве не пять лет тому назад это было? Разве данный нами друг другу обет отыскать эту могилу, как только мы достаточно разбогатеем, чтобы потянуть такой расход, – иными словами, разве этот обет не предшествует другому обету – вновь засадить лесами твою родную долину? И потом, посуди сам! После того как Перчатки, Плащ и Сандалии окажутся у нас, мы очень скоро станем богатейшими ворами мира! А уж тогда заново засадить Гам-Гадрианскую долину лесом при помощи Ведьминого Семени будет для нас детской забавой!

Вместо ответа Барнар устремил на меня пристальный печальный взгляд. Он чувствовал, что с ним дурно обошлись, и ничего с этим поделать было нельзя. Я со своей стороны тоже

[2] Смотри отступление.

ощущал острую обиду на друга, и бесполезно было скрывать это от себя самого. Как мог Барнар позволить золотому мигу нашей удачи налететь на мель его проклятого упрямства?

– Ладно, послушай, – вздохнул он наконец. – Остальные-то три сотни мы еще не заработали, верно? Да и вообще, навряд ли этот божественный напиток, который нужен Банту, так уж легко заполучить, а потому зря мы так уверены, что сможем это сделать. А иначе стал бы он предлагать такие деньжищи за то, что может прийти и взять всякий? Пошли мыться, и отложим разногласия на потом. Давай лучше порадуемся тому, что у нас есть, и мгновению, в которое мы этим обладаем.

– Правда твоя!

Как только мы вышли из парной – мешки с золотом по-прежнему покоились у нас на плечах, – откуда ни возьмись, возникли три хорошенькие банщицы: стройная, которая привела нас сюда, а с ней еще две, такие же соблазнительные и в таких же прозрачных платьях. Эти новенькие в мгновение ока убедили Барнара, что ему нужен массаж, который начался с того, что парочка принялась расхаживать взад и вперед по его распростертой туше, топча его босыми, умащенными благовониями ножками. Первая, красотка с глазами цвета терновой ягоды и мудрой улыбкой искушенной женщины, отвела меня к бассейну немного поодаль.

– О, жилистый странник, – поддразнила она меня (голос ее был густой зернистый мед), – ты, кажется, весь состоишь из одних сухожилий и крепких змеящихся мышц! Тебя нужно тщательно намылить и хорошенько поскрести, чтобы отмыть все впадины и выступы твоего тела…

Слегка надтреснутым голосом я ответил, что с глубокой благодарностью приму любую помощь гигиенического характера, которую она соблаговолит мне оказать.

Последовал восхитительный интервал.

Звали ее Хигайя. К тому времени, когда мы окончательно выполоскали друг друга, мы уже щебетали точно дети. Она рассказала, что вот уже три десятилетия нанимается работать в банные дома и танцевальные труппы по обе стороны Агонского моря, и было заметно, что она повидала мир и усвоила его сладкую мудрость. Зная, что до нашего отъезда мы уже не встретимся больше, я спросил, долго ли она намеревается пробыть на Дольмене.

– Вообще-то, – ответила она, – я уже чувствую приближение нового приступа охоты к перемене мест и подумываю посетить Минускулон. Но, полагаю, еще пару недель или около того я здесь задержусь.

– Ну тогда у меня есть надежда повидать тебя вновь. Может быть, мы даже на некоторое время составим друг другу компанию в пути.

У меня не было и малейших подозрений о том, как надолго задержит нас под землей предприятие, в которое мы ввязались.

С балкона столовой Банта, находившейся четырьмя этажами выше, открывался прекрасный вид на гавань и пролив за ней. Любуясь фиолетовыми в спустившихся сумерках волнами, вылизанными языками ветра, мы знатно пообедали. Бант предложил, чтобы мы представили его Костарду как случайного попутчика, оказавшегося торговцем живицей, которого мы пригласили с собой, чтобы Костард мог продать ему свой товар. При этом Банту не пришлось бы скрывать, что он пасечник. На пасеках используют титаноплодов, костлявок и прочую тягловую скотину для выработки и транспортировки меда и сопутствующих продуктов, а потому их хозяева закупают живицу в большом количестве в качестве корма. Между тем финансовые сложности могли подготовить Костарда к открытости и сотрудничеству. С помощью некоторых капиталовложений Бант мог бы получить постоянный доступ к нектару, которого он так жаждал, – субстанции, которую мы должны были добыть для него у Королевы и которую он называл иногда напитком гигантов.

Я терпеливо слушал, время от времени проводя пальцами ноги по заветному мешочку под столом, чувствуя, как вертлявые монетки приятно щекочут ногу сквозь кожаную поверхность. Утром я стоял по пояс в крови в зловонной пасти глабруаза; днем я очутился в голо-

вокружительном мире ласкаемых ветрами цветов; а вечером была Хигайя в бане, роскошный обед и богатство. Мне приходилось то и дело мысленно одергивать себя, чтобы не расплыться как-нибудь ненароком в дурацкой улыбке восторга и недоверия.

Но я то и дело встречался взглядом с Барнаром, точно наши мысли странным образом совпадали. И каждый раз, когда это происходило, между нами пробегал тот легкий холодок взаимного разочарования, который мы впервые ощутили в парной. Разногласия, послужившие причиной его возникновения, не только не покинули нас, но словно бы окаменели, превратившись в ледяной кристалл, из которого наши взгляды, встречаясь, высекали искры. Я знал, что Барнар держится за свою давно лелеемую мечту не менее упрямо, чем я за свою.

– Развлечения, которыми вы потчуете нас, столь роскошны, – шутливо обратился Барнар к Банту, – что я начинаю беспокоиться. Платите вы нам тоже по-княжески. И все же, хотя теперь, может быть, уже слишком поздно, я хочу задать самый важный вопрос. Насколько опасно проникновение в Королевскую Камеру Гнезда Пожирателей? Не говоря уже о сборе какого бы то ни было секрета, выделяемого телом Королевы? Никогда раньше не приходилось мне слышать о том, чтобы кто-нибудь хотя бы замыслил подобный подвиг, а тем более осуществил его. Разумеется, мы с Ниффтом считаем себя связанными обещанием, – здесь я кивком головы выразил свое согласие, – но все, что нам известно об этом предприятии, подсказывает, что и шестьсот мер золота могут оказаться не слишком щедрой платой.

В это самое мгновение в комнату бодрой походкой вошла рослая молодая женщина, закутанная в плащ для защиты от свежего вечернего ветра, который уже успел вытащить несколько задорных прядок из тяжелого узла медно-рыжих волос у нее на затылке.

– Ша Урли! Душечка! – воскликнул Бант. – Моя сестра Ша Урли, господа! Пожалуйста, отобедай с нами, дорогуша! – Раздражение заржавленным железом скрипнуло в его голосе, и даже медовые речи не смогли его полностью засахарить. Нас он представил как двух путешественников, которые согласились сопровождать его в прогулке по Кайрнгему. Он ведь так много работал в последнее время, что совсем закис, сидя на одном месте, пожаловался он, так что наша компания для него – как глоток свежего воздуха. Ша Урли отказалась снять плащ, но все же присела к столу и выпила с нами бокал вина в знак дружбы.

– Вид у вас вполне надежный и… привычный к путешествиям, – сказала она нам. В ее улыбающихся светлых глазах таилась ледяная искорка иронии. – Моему брату повезло, что он вас встретил. А уж кто, как не он, заслуживает хорошего отдыха за границей! Он слишком много занимается делами. Это наше семейное предприятие, которое наша мать вверила нашему совместному попечительству, но брат так боится взвалить на меня лишнюю обузу, что управляется со всем практически в одиночку. Дорогой братец! Ты из кожи вон лезешь, чтобы избавить меня от тягот, а к своему здоровью относишься просто по-варварски! Ты только посмотри, как ты растолстел! Но, что бы я ни говорила, ты все равно меня не послушаешь, разве не так? – С этими словами она поднялась и склонилась над братом, чтобы запечатлеть на его лице сестринский поцелуй, каковой он и принял с видом одновременно довольным и уязвленным.

У самых дверей она остановилась.

– Счастье еще, – сказала она, – что Ха Оли и во сне не приснится вложить во что-нибудь деньги, не посвятив меня предварительно в свои планы. Это меня вполне удовлетворяет. Рада была познакомиться, господа! Спокойной ночи всем!

III

Коль дел больших сиянье хотим еще увидеть,
Пора вставать и делать их. Чур, первое мое!

Мы поднялись на корабль вскоре после наступления темноты. Сначала была суета с погрузкой и отплытием, а потом, как только отдали швартовы, Бант убрался в свой гамак и захрапел. Спору нет, он принимал самое активное участие в истреблении меда и яств за давешним обедом, и все же его поспешное бегство в постель отдавало уклончивостью, ибо мы не оставляли попыток узнать правду об истинном характере нашей экспедиции в Королевскую Камеру гнезда Пожирателей и продолжали задавать наводящие вопросы.

Мы с Барнаром стояли у самого борта скрипучего суденышка, старой пиратской каравеллы, приспособленной для перевозки животных и клади наподобие нашей с кайрнского побережья и обратно. Половинка луны красовалась посреди недавно потемневшего небосклона, ее бледный свет превращал стоявшие в гавани корабли со спущенными парусами в призрачные статуи. Один за другим скрывались они за кормой, а яркие огни в окнах прибрежных домов постепенно сливались в полукруглую звездную туманность, облаком опустившуюся на посеребренные луной волны, пока ветер подгонял нас в сторону открытого моря. Мы облокотились на ограждение палубы и наслаждались каждым движением старого корыта, колченого приплясывавшего по мерно колыхавшейся груди океана.

– Н-да, – начал разговор Барнар, – напиток гигантов… Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Мне доводилось слышать о том, что Пожиратели-работники словно бы кормятся или сосут что-то из боков Королевы, но случалось слышать и такое мнение, будто это не более чем миф.

– Вот и мне тоже так кажется, – отозвался Барнар. – Кто вообще бывал когда-либо в Королевской Камере и хотя бы видел Королеву? Если такое и было, то я никогда об этом не слышал.

– Что ж, постараемся вынуть из Банта все, что сможем. Остальное, полагаю, узнаем из первых рук на месте…

Мы еще долго стояли в абсолютном молчании, наполненном для каждого из нас оглушительным грохотом мечтаний, катившихся, подобно океанским валам, через наше сознание. Ночной ветер дул нам в паруса, заставляя нашу старушку каравеллу со стонами и вздохами карабкаться через невысокие волны. Прямо по курсу, чуть выше черного пятна кайрнгемского берега, звезды густо устилали бархатный небосклон, и даже яркая луна не могла затмить их сияния, точно они были раскаленными углями, которые раздувал свежий ветер.

– Барнар, – произнес я. – По-моему, нам крупно повезло. У меня такое чувство, будто удача собирается под нами, словно большая волна. Приливная волна. Мне следовало понять это еще утром, до того как мы заполучили золото, ибо разве люди, проглоченные глабруазом и невредимыми вышедшие из его пасти, не самые большие везунчики в мире?

Дай-ка я расскажу тебе одну историю, дружище, – продолжал я, – о человеке, которого мы оба знаем и который дорог моему сердцу, словно родной брат. У этого человека девять дядюшек и семь тетушек, несметное число двоюродных и тринадцать родных братьев и сестер, – Барнар хотел было меня перебить, но я вскинул руку в упреждающем жесте, – и все его дедушки и бабушки еще живы, а двоюродных теток и дядьев у него по меньшей мере десяток, и не менее четырех его прапрабабушек и прапрадедушек все еще топчут усыпанные хвоей тропинки, что вьются по склонам его родной Гам-Гадрианской долины, пропитанной бодрящим скорзовым духом, исконной вотчины Гам-Гадрианского клана. Можно ли после всего этого

сомневаться, что человек, о котором веду я речь, – это Барнар Гам-Гадриан, называемый, лишь отчасти в шутку, Барнар Рука-Молот и Барнар Бычья Шея? Не отвечай! Слушай, что я скажу.

Этот самый Барнар, чьи возлюбленные родичи заселяют склоны его долины почти так же густо, как строевой лес, что дает им средства к существованию, любит свою землю, где он с ранней юности научился владеть топором, где правил завывающие полотна лесопилок своего клана, еще будучи голенастым подростком, и где потом и его усилиями в том числе не один гордый, точно лебедь, корабль был спущен на воду, не один дом поставлен на века и не одна надежная повозка покатилась по дорогам задолго до того, как он стал мужчиной.

А когда разбойный клан Крагфасстов с люлюмийского нагорья начал совершать набеги на Великое Мелководье и вонзил клинок войны в самое сердце Гам-Гадрианской долины, кто, как не наш Барнар, с яростной решимостью поменял топор дровосека на боевой топор? Девять лет войны превратили его из неопытного юнца в закаленного ветерана, крепкого, как топорище из железного дерева. Но в его внушающем трепет теле по-прежнему бьется нежное сердце, полное любви к родным по крови людям и отчизне.

Когда захватчики были наконец изгнаны, они оставили после себя голую пустыню, на которой не росло ни единого дерева, и эти обезображенные склоны стали пыткой для глаз того же Барнара Руки-Молот, так что он, сражавшийся за родную долину до полного ее освобождения, отвернулся от нее, как только она была возвращена законным владельцам. Пустился он куда глаза глядят и стал вором, ибо осквернение родной земли разбило ему сердце и он не мог там больше оставаться.

За прошедшие с тех пор десятилетия большую часть своей добычи он неизменно тратил на своих родичей, подновляя их приходящий в негодность инструмент, пополняя стадо плодов и всячески содействуя трудоемкому хозяйствованию на тех землях, где еще оставались скорзовые деревья.

Так как же нам не подумать, нам, тем, кто так любит и ценит этого самого Барнара Гам-Гадриана, что глаза его, возможно… слишком давно не отрывались от этой земли? Разумеется, задуманное им непременно когда-нибудь сбудется, Барнар Рука-Молот обязательно засеет склоны родных холмов Ведьминым Семенем. Он наверняка это сделает, и исчезнувшие было рати скорзовых деревьев, послушные его зову, восстанут из земли и снова вознесут свои гордые вершины к небу! Это сбудется! Но если, еще до того как это произойдет, представится случай овладеть неисчислимым богатством, если этот самый Барнар сначала…

– Довольно, Ниффт! Хватит. Неужели ты не понимаешь, друг мой, что мы с тобой настолько продвинулись в годах, что если предоставляется случай сделать по-настоящему значительное дело, то мы должны хвататься за него, не мешкая ни минуты? Мы ведь не вечные, верный мой спутник. И если мы действительно хотим совершить подвиг, который будет сиять в веках, то нужно браться за дело без промедления, как только возникает такая возможность. А что до Ведьминого Семени, то я мечтал о нем так долго, что не соглашусь отложить исполнение этого желания ради любого другого предприятия, теперь, когда стоит только протянуть руку, и оно окажется у меня в руках… ну, или почти в руках.

– Да послушайся ты голоса разума наконец, Барнар! Стоит нам только завладеть Перчатками, Плащом и Сандалиями Пелфера Несравненного, как мы разбогатеем настолько, что сможем засадить лесами хоть всю Чилию, так что даже голые каменные хребты покроются скорзовой зеленью и толстенные деревья полезут, как трава, на безлесных пустошах Магнас-Дриана.

Этот последний выпад заставил его чуть заметно вздрогнуть, ибо именно там, среди безлесных пустошей Магнас-Дриана все еще жила Марния-Дриан, которую Барнар любил с ранней юности. Она была дочерью гордого, но совсем не богатого деревьями клана. Разве же можно сомневаться, что ее расположение легко будет завоевать при помощи Ведьминого Семени, которое вмиг покроет лесами ее родные взгорья? Но вот мой друг овладел собой и слабо улыбнулся.

– Ты только посмотри, как мы тут с тобой лихо делим призрачное золото! – С этими словами он забросил свои мешки с золотыми монетами за спину и, прежде чем удалиться на покой в свой гамак, дружески хлопнул меня по плечу. Но я-то его хорошо знал: хотя он, со свойственной ему воспитанностью, и не подавал виду, в глубине его души поселилась обида.

Я постоял еще немного у перил, негодуя на непробиваемое упрямство друга. В конце концов раздражение мое достигло такого накала, что я сам удивился и приложил все старания к тому, чтобы успокоиться.

Немного погодя я уже смог признаться себе, что ощущаю то же самое печальное беспокойство, о котором говорил Барнар, свойственное всякому смертному в определенном возрасте. Еще утром, топая по берегу Дольмена и сотрясаясь после соленой ванны, которая все равно не смогла до конца истребить зловоние глабруазовой крови, я почувствовал, как костлявый палец Времени коснулся моего сердца, и бледногубый Призрак прошептал мне на ухо, что я всего лишь бродяга, который ничего не сделал в своей жизни и никогда уже не сделает.

Но, клянусь Трещиной, Котлом и Ключом, несмотря на это, я все равно чувствовал, что мне повезло. Неожиданная удача привалила нам и все продолжала прибывать. Я устремил взгляд на север, туда, где нас ждало будущее. Там, скинув пелену лунного света, звездное пламя горело над темным контуром Кайрнского материка. Звезды покрывали ночное небо так же густо, как, по моему представлению, должны были Пожиратели покрывать склоны подземного мира, преследуя по взгорьям и долинам сонмы разбегающихся врагов…

IV

Напитком, что гиганты пьют,
Кувшин до края пусть нальют.
Но, как набрать его внизу,
Признаться, не соображу.

С первым светом мы бросили якорь в гавани Кайрнские Ворота, а когда солнечный диск поднимался над горизонтом, наша бричка уже вовсю неслась по северной дороге прочь от города. Дорога представляла собой отличное ровное полотно из гладко обтесанных каменных плит, целые караваны повозок бодро катились по ней в обе стороны.

По изрезанным речными руслами равнинам Позднего Кайрнлоу мы неслись под свист кнута, которым Бант то и дело горячил своих чистокровных костлявок; медовые брызги первого утреннего света разлетались, казалось, от нашего движения в разные стороны. Колеса грохотали, ветер свистел и завывал у нас в ушах, так что задавать вопросы опять мы не могли.

Но я настоял, чтобы мы остановились посидеть в пивной, которую мы углядели в деревушке на берегу реки: Бант, без сомнения, предпочел бы проскакать мимо, но мы ему не дали. Заведение окружал приятный садик с изгородью из силвовых деревьев и тыкмяной лозы. Мы выбрали столик в уютном уголке среди благоухающей растительности и распили за ним кувшин изумительного меда, такого же золотистого, как травянистые прерии, что раскинулись на противоположном берегу реки.

– Похоже, это из наших же погребов, – пробормотал Бант, вдумчиво распробовав вино.

– А не могли бы мы поговорить о других напитках? – намекнул Барнар. – Например о напитке гигантов. Придется ли нам, к слову, доить Королеву Пожирателей, или как? Будьте любезны, поделитесь с нами всем, что знаете о предмете, за которым нас посылаете.

– Я не имею права называть источник моих сведений, – невозмутимо ответил Бант. – Прошу меня простить, но таким образом я выдал бы слишком много информации тем, кто захочет повторить мое начинание. Но вкратце я объясню вам, в чем суть, хотя, предупреждаю, этого будет недостаточно. Взрослые Пожиратели-работники, независимо от касты, непонятным образом кормятся у боков Королевы. Разумеется, они делают это не постоянно, а лишь время от времени, но тем не менее они все этим занимаются. Пьют из Ее тела.

Из документального источника, неведомого даже эрудитам, я узнал, что, по всей видимости, каждый Пожиратель впитывает из ее тела определенный тип эмульсии, соответствующий именно его размерам и функциям. Свой секрет, похоже, питает и поддерживает всех отпрысков Королевы, любой формы и вида. Я же хочу, чтобы вы раздобыли лишь одну его разновидность: ту, которую потребляет каста Фуражиров, самых крупных из всех работников, этого бича расы демонов. Что до того, как именно его раздобыть, то на сей счет я, признаюсь, не располагаю ровным счетом никакой информацией.

– Будет ли справедливо ¦ предположить, – отважился я после некоторой паузы, – что именно напиток гигантов придает касте Фуражиров громадные размеры? Могу ли я решиться на догадку еще более смелую: укрупняющая способность этого напитка и заставляет вас стремиться к нему столь самозабвенно?

– Предположим, я соглашусь подтвердить вашу догадку, но, окажите мне такую любезность, не задавайте больше никаких вопросов.

– Хорошо, Бант, замечательно. И все же, если предположить, что жидкость обладает теми свойствами, на которые вы надеетесь, какой от нее прок вне Гнезда?

– Г-м, – холодно улыбнулся Бант. – Это уже вопрос, не так ли?

Дорога, петляя, уходила к северо-западу, перерезая попутно хребет стремящихся прямо на север Гор Сломанной Оси. Это невысокая, бедная живописными видами горная цепь, с тупыми шишковатыми вершинами, древние кости земли, сглаженные миллионами зим.

И все же меня не оставляло ощущение, что глубоко под их источенными эрозией макушками происходит непрекращающееся движение, какое-то беспокойство. Эти древние горы жили изнутри, служа вместилищем бесчисленным Гнездам Пожирателей, каждое из которых само, в свою очередь, кишело жизнью. Все время, пока мы приближались к месту нашего ночлега, городу под названием Сухая Дыра, расположившемуся частично на равнине, а частично в отрогах горного хребта, мне казалось, что я чувствую легкое содрогание почвы, результат непрекращающейся подземной активности. Мы остановились в гостинице на верхней окраине города, и там, на самом склоне горы, я воображал, будто пол еле заметно вибрирует подо мной, и почти слышал, как целые реки никогда не спящих гигантов текут сквозь кости хребта.

Сухая Дыра (получившая свое название от живичной шахты, которая разорилась задолго до того, как город стал центром торговли скотом, да и вообще коммерческим перекрестком) – приятное место, в особенности если смотреть на нее сверху. Из окон нашей гостиницы мы могли наслаждаться видом суходырских крыш, сплошной волной стремящихся вниз, к равнине, где река Сломанной Оси, вырвавшись из-под каменного массива к северу от города, серебряной ниткой вышивает по подолу окраин. Большая часть скотных дворов, корралей, красилен и скотобоен расположена как раз на берегах реки, так что мы на вершине холма были избавлены от необходимости вдыхать ароматы навоза и запекшейся крови, а самое главное – сражаться с мухами, этим бичом всех скотопромышленных городов. Хотя и наверху городские ароматы давали о себе знать: порывы ветра то и дело доносили до нас запахи освежеванных туш, солонины или новых бочонков с коптилен, сена и конечно же сухой пыли, поднятой десятками тысяч копыт.

Мы наблюдали, как солнце опустилось за бескрайний, прямой как стрела горизонт прерий, видели, как колышущееся море золотой травы вспыхнуло огненной медью и остыло сначала до янтаря, а потом и до серебра, в то время как весь склон под нами покрылся веснушками огней и лампы на мосту через реку Сломанной Оси засверкали белыми искрами над серой, словно сталь, ниткой воды.

Потом я с удовольствием отправился в кровать. Прошлой ночью на корабле мой мозг был настолько воспламенен золотыми мечтами, что мне почти не удалось поспать, да и качка тоже мешала. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Слух – самое обманчивое из всех человеческих чувств, ибо оно легче и незаметнее всех остальных стирает грань между мыслью и реальностью, и все же я мог бы поклясться, что гора подо мною чуть слышно жужжала. А потом я соскользнул в уютное забытье, как вброшенный в ножны меч.

V

Средь пиков гор лежат Ее сокровищ груды,
Где дом ее детей, бесчисленных, как звезды,
Как галька, что собою взморье устилает.
В глубинах Ее сыны воинственные рыщут,
И демонов орда бежит пред ними, кровью обливаясь,
Но среди пиков горных
Ее малютки спят…

Наше путешествие к вершинам хребта началось с первым светом. Виадук уходил в гору неподалеку от нашей гостиницы; местами, где это было необходимо, дорогу поддерживали высокие опоры или арочные мосты, так что наш экипаж продвигался наверх легко и быстро, без лишних усилий. Мы катили меж склонов, на которых лишь кое-где попадались рощицы черного скорза и карликовой сосны; выветренная, жидкая почва лысеющих старых гор чередовалась с большими каменными проплешинами, отполированные беспрерывными ветрами горные пики и перевалы были абсолютно голы.

Повсюду на склонах гор приютились живичные шахты. Это были незамысловатые, построенные без всякого плана сооружения из побелевшего от времени дерева, все на один манер. Обычно они состояли из главного здания, в котором находилась буровая установка, насосы и устройство для разлива живицы по бочкам, и ряда построек более мелкого масштаба, где располагались конторы и шахтерские бараки.

Все они вместе и каждая в отдельности производили впечатление довольно убогое, но их количество свидетельствовало о том, что внутренности горных пиков кишат Пожирателями. С наступлением темноты мы съехали с большой дороги в ложбину и устроились там на ночлег. Я лежал, завернувшись в одеяло, на мягком песке и слушал, как пульсирует напряженная жизнь колоссов глубоко в самых костях гор.

К середине следующего утра мы достигли Перевала Полных Бочонков. Здесь, на скрещении нескольких перерезанных седловинами горных хребтов, точнее на их изборожденных каньонами и ущельями склонах, процветало до полудюжины шахт. Никто не знал, сколько отдельных Гнезд служили источником их благополучия. Несмотря на то что расстояние между соседними шахтами было, как правило, не меньше мили, вполне могло статься, что некоторые из них питаются из одного источника, поскольку в любом Гнезде существуют дюжины своеобразных личиночных детских, над которыми, собственно, и строятся шахты.

Шахта, носившая название «Верхняя», была далека от процветания. Она застыла в абсолютном молчании. Мы направили свою повозку прямо в главное здание; цокот копыт животных и бряцание упряжи эхом отдавались в высоких потолочных балках. Задняя стена сооружения представляла собой фрагмент необработанного горного склона с врезанными в него гигантскими медными кранами, предназначенными для перекачки живицы в три медных чана, каждый величиною с дом. Под ними, выстроившись по росту, как солдаты в строю, стоял целый отряд бочонков.

Но никто ничего не перекачивал. Никого не было. На всем предприятии нельзя было найти ни одной живой души. В его наполненной отголосками эха тишине нам послышался звук, неясный, точно дробь призрачного барабана. Через мгновение мы смогли его распознать: это был шум работающего транспортера соседней шахты, оживленного предприятия, расположенного на противоположном склоне горы.

– «Затруднения с рабочими», – желчно буркнул Барнар. Именно так Костард описал вставшую перед ним дилемму в письме к своей матери, устрашающего вида Барнаровой

сестрице. Она, Ангильдия, по-матерински слепо веря каждому слову своего единственного отпрыска, упросила брата оказать одаренному юноше помощь «на пару недель или около того», поскольку больше Костарду, чтобы «все опять стало тип-топ», явно не требовалось. – «Затруднения с рабочими», – повторил Барнар, чье отчаяние росло с каждой минутой.

– Дорогой дядюшка Барнар! О, вот это радость! – С этими словами вышеупомянутый молодой человек влетел в зал и с разбегу повис на шее моего друга гиганта. Я не мог не улыбнуться, видя, как шероховатый гранит обветренных щек Барнара пошел трещинками улыбки, несмотря на владевшее им раздражение. Возможно, в это мгновение он вспомнил, как Костард горластым долговязым мальчишкой вечно клянчил у него подарки и канючил, требуя, чтобы дядюшка покатал его на плече. По правде сказать, Костард и теперь, вися на шее Барнара, выглядел в сравнении с ним довольно мелким. Это был аккуратный молодой человек, лишь на ширину ладони не доросший до определения «высокий» и на десятую часть меры или около того полнее, чем худощавый. Волосы он носил коротко и стриг спиралью, по последней местной моде. Лоб его по диагонали пересекал внушительный шрам. Ранение было, однако, скорее броским, чем серьезным, к тому же во всю свою ширину шрам бугрился поджившими сухими корочками, готовыми вот-вот отвалиться. Костард вежливо поприветствовал меня, и мы представили ему Банта как встреченного по пути торговца, выехавшего прикупить живицы.

– Зная о твоих затруднениях, – добавил Барнар, – мы сообщили старине Банту, что ты, возможно, не откажешься продать ему живицу с небольшой скидкой, если он немного подождет здесь и станет твоим первым покупателем, когда мы спустимся вниз и начнем откачку.

– Ни под каким видом! – Отказ Костарда прозвучал неожиданно громко под пустынными сводами здания, заставив нас всех вздрогнуть. – И помыслить невозможно, чтобы продукция такой шахты, как «Верхняя», продавалась за цену меньшую, чем девяносто ликторов за четверть пинты! – Костард выпалил эту тираду, сверля собеседника взглядом из-под возмущенно поднятых бровей, что, по всей вероятности, должно было означать крайнюю степень негодования. Чувствовалось, что молодой человек хорошо отрепетировал свой ответ на случай возможной дискуссии о ценах. Очевидно Костард был поборником строгости во всем, что касалось ведения дел.

Смущенному Банту нужно было только найти предлог, чтобы задержаться на шахте до тех пор, пока я и Барнар проведем под землей достаточно времени для исполнения его тайного поручения. Поскольку по соседству были пять других шахт, где заказ на живицу готовы были исполнить в мгновение ока, то его терпеливое ожидание здесь наверняка показалось бы подозрительным при условии отсутствия хотя бы подобия сделки. И поэтому владелец пасеки торопливо проблеял:

– Ну конечно! Мне не однажды доводилось слышать самые горячие похвалы исключительному качеству продукции шахты «Верхняя», и я с радостью подожду начала добычи и заплачу назначенную вами цену!

Костард кивнул, несколько, впрочем, ошеломленный, даже уязвленный таким полным и безоговорочным согласием. Очевидно, ему не терпелось испробовать еще несколько своих излюбленных строгих методов на этом одиноком искателе продукции его парализованной шахты.

– Ну что ж, – добавил он, опомнившись. – Приглашаю вас ко мне на квартиру отдохнуть с дороги!

Главное здание шахты отличалось тонкими стенами и сильными сквозняками, заброшенные бараки, где некогда помещались шахтеры, выглядели еще более старыми и ветхими, но резиденция Костарда была щедро устлана коврами, увешана гобеленами и обставлена диванами и покойными креслами, состоявшими, казалось, из одних только подушек и подушечек. Потчуя нас яствами с позолоченного подноса, он, распаляясь с каждой минутой все сильнее, принялся описывать свои затруднения в работе.

– И как только мама управлялась с ними? Я сотню раз задавал себе этот вопрос. Скопище жадных идиотов! Я пытался заставить их понять, что сокращение заработной платы является жесткой необходимостью. Нынешний спад рыночных цен на живицу просто требует аскетизма… – еще маринованный квифл, дядя? Они совершенно восхитительны, привезены из Колодрии!.. – требует, чтобы мы положили зубы на полку и затянули пояса, фигурально выражаясь.

– Значит, рабочие снялись с места и были таковы все как один, так, что ли? – спросил Барнар. – И куда же они пошли?

– У них еще хватило нахальства угрожать мне! Они заявили, что пойдут наниматься к моим конкурентам!

– И так они и сделали? Все теперь работают на других шахтах? – Голос Барнара заметно потух: до нас стало наконец доходить, какого неподражаемого дурака свалял его родной племянник.

– И сколько, хотел бы я знать, продлится их работа? – фыркнул презрительно Костард. – Я один постиг долговременные тенденции развития живичного рынка; я один понял необходимость для шахтовладельцев накапливать буферный капитал, чтобы пережить надвигающиеся тяжелые времена! Когда «Верхняя» останется единственной действующей шахтой в регионе, мои рабочие сами вернутся ко мне, как шелковые, на коленях приползут!

– Понятно, – протянул Барнар. – Когда твоя шахта будет единственной действующей в регионе… – В наступившей тишине до нас снова долетел отголосок похожего на барабанную дробь звука, с которым двигались по бегущей ленте бочонки на соседней шахте.

Если бы не таинственное предприятие, сулившее верное обогащение, ради которого мы, собственно, и прибыли на шахту, мы повернулись бы спиной и тут же покинули «Верхнюю», и плевать на гнев Ангильдии. Эту устрашающую даму лучше, конечно, не сердить понапрасну, но, с другой стороны, наши с ней дорожки вряд ли когда-нибудь пересекутся. Некоторое время тому назад Ангильдия ощутила беспокойство среднего возраста, навязчивое желание испробовать новых путей в жизни, пока еще не поздно, и два года назад подалась в пираты. С тех пор Барнар получил от нее два восторженных послания, в которых она с энтузиазмом описывала мир и покой, снизошедшие в ее душу, стоило ей заняться рубкой голов и грабежом мирных торговцев в открытом море.

Однако ее интерес к шахтному делу стал угасать задолго до начала этой увлекательной карьеры, и потому сын получил в свое распоряжение шахту, питавшуюся из одной-единственной личиночной детской. Гнезда Пожирателей подвержены тому, что шахтеры называют бродяжничеством: детские, которыми благополучно пользовались при жизни трех-четырех поколений людей, вдруг, из-за каких-то таинственных приливов и отливов, случающихся в жизни каждого Гнезда, пустеют. При этом новую личиночную камеру неизменно устраивают рядом с заброшенной и обычно в зоне бурения той же шахты, то есть принадлежащего ей по закону куска земли.

Но спуск под землю нового подъемника для рабочих и новой проводной трубки требует больших капиталовложений и времени, которые Ангильдия не пожелала, а ее сын не смог потратить. А теперь, когда из-за собственной глупости и жадности Костард потерял всю рабочую силу и значительно сократил поступление текущей прибыли, его предприятию, казалось, и вовсе пришел конец.

Нам с Барнаром, преследуя собственный скрытый интерес, предстояло сделать все возможное, чтобы продлить агонию умирающей шахты. А в тот день мы отдыхали, набираясь сил для завтрашнего дня, и терпели попытки Костарда развлечь нас своими соображениями по поводу мировой торговли, воззрениями на эффективность ведения дел да и вообще мнениями по всем мыслимым и немыслимым предметам. Даже приятный вид на горы, открывавшийся с

балкона кабинета, и обильное угощение лишь частично скрашивали пытку этим невыносимым монологом.

Учтивый Бант предпринимал время от времени попытки увести поток юношеского красноречия в более подходящее случаю взрослое русло обмена информацией и идеями. При упоминании о Пожирателях он рискнул снова:

– Невозможно удержаться, чтобы не задать себе вопрос о происхождении этих гигантов, не правда ли? Являются ли они нашими естественными союзниками, или же они результат трудов нашей расы? Есть ли они наши рожденные землей благодетели, развившиеся сами по себе с течением времени, или же они – живое орудие, выкованное нашими предками при помощи магического искусства, самые следы которого давно нами потеряны? Полагаю, что вопрос этот столь же древний, как…

– По мнению всех информированных людей, – объявил Костард, – Пожиратели были созданы чародеем, имя которого не сохранилось даже в легендах. – Ибо этот превосходный юноша всякий риторический вопрос или притворное недоумение, при помощи которых поддерживают разговор истинно воспитанные люди, понимал как повод козырнуть собственными познаниями и просветить других. Сделав это заявление, он уставился на пасечника, выискивая в его лице малейшие признаки несогласия; похоже, легкость, с которой тот согласился на его цену, все еще не давала ему покоя.

– Разумеется, высокочтимый Костард, – ответил Бант, закипая гневом вопреки лучшим своим побуждениям, – однако если вы склоняетесь к магической гипотезе, то тогда вы должны знать, что ее сторонники обыкновенно называют творцом Пожирателей великого Гермафрода. Его легендарные слова цитируют и по сей день: «Узрите моих Пожирателей, моих Сторожевых Псов, закусывающих демонами».

– Невозможно. – Костард безмятежно помотал головой с шелушащимся лбом из стороны в сторону. Из-за хохолка волос у него на макушке казалось, будто голова у него остроконечная, как яйцо. – Я никогда раньше не слышал этого имени*.[3]

Тут я просто расхохотался, и лишь ценой невероятных усилий мне удалось снова овладеть собой. Я успокоил юношу:

– Возможно, добрый мой Костард, это всего лишь означает, что ты еще не все узнал по данному предмету.

Пока Костард, нахмурившись, пытался переварить это нахальное заявление, Бант овладел собой и попытался подольститься к юному владельцу шахты.

– Впрочем, каково бы ни было их происхождение, – предложил он в качестве перемены темы разговора, – ваша позиция здесь, в самом сердце их вотчины, более чем завидна, мой дорогой Костард! – И он исполненным восторга мановением руки указал на возвышавшиеся вокруг горные вершины, чью сморщенную наготу заходящее солнце только подчеркнуло тенями. – Эти пики словно топорщатся и выпучиваются под напором бешеной энергии Пожирателей! Их…

– Мы очень далеко от сердца их вотчины, – перебил его придирчивый молодой человек. – Все их огромное Гнездо лежит глубоко под нами. И только самые верхние и наиболее тщательно охраняемые из его камер находятся здесь, в пределах досягаемости пиков.

---

[3] Ниффта вполне можно извинить за то, что он рассмеялся в ответ на это высказывание Костарда. Человек, который вообще что-нибудь читал, не может не знать имени Гермафрода к тому же он является героем целого ряда народных баллад. Например вот эта, «Обет Гермафрода», и в наши дни пользуется большой популярностью как на Люлюмийском, так и на Колодрианском континентах:Однажды в плен попалсяК подземной своре маг.С оторванной рукоюУшел от них кой-как.Вот пал он на колени,Клянется отомстить:На недругов свирепыхСвою орду спустить!«Титанов сотворю я,Пусть вас они едят!И белыми костямиПокроется весь ад!И вечно им, могучим,Кровь вашу пить и пить,Но не дано им будетСвой голод утолить!»(*Примечание Шага Марголда.*)

Ну кто же не знает, что Гнезда Пожирателей строятся снизу вверх? Что их ворота пробиты прямо в каменной стене подземного мира и через них гиганты спускаются туда, чтобы покормиться его обитателями и запасти их в качестве провианта для тех, кто остался в Гнезде, а камеры, где созревают личинки, помещаются внутри горных вершин, как можно дальше от царства демонов, которое разоряют взрослые особи? Мелочный педантизм Костарда сокрушил наконец все наши попытки перейти к взрослой беседе. Сосредоточив свое внимание на винах и яствах, мы позволили юнцу возобновить монолог, который и длился до тех пор, пока не настало время, когда можно было наконец встать и, не нарушая приличий, уйти.

VI

Титана я узрел на глубине предвечной,
Где Королева Гор рожает бесконечно,
Могуществом и силою сияя.
Но я сожрал наполовину королевское дитя.
Ну а потом (погибнете, боюсь, смеясь)
Я повстречал того, кто съел вторую часть.

Мы поднялись задолго до рассвета и приступили к сложным и утомительным приготовлениям к спуску в шахту. Попутно мы выспрашивали Костарда обо всем, что ему было известно о работе в Гнезде. Этот молодой человек и сам успел узнать, что такое откачка, в самом начале своих «затруднений с рабочими», пока под его командой еще находились несколько наемных работников, которые помогали ему наверху, когда он спускался в шахту. Разумеется, нас интересовало все, вплоть до мельчайших деталей, что имело хоть какое-то отношение к выживанию в подземном Гнезде.

Но Костард уклонялся от прямых ответов; в особенности не хотелось ему говорить о царапине на лбу, полученной им – мы были в этом уверены – во время откачки и потому представлявшей для нас особый интерес. Наконец терпение Барнара лопнуло.

– Выкладывай, Костард, не тяни! Рассказывай, при каких обстоятельствах ты заработал этот шрам, иначе мы немедленно разворачиваемся и уходим! – Костард разинул рот и захлопал глазами, дивясь силе дядюшкиного гнева. Мы как раз стояли у самого начала спуска – узкого ствола, уходившего круто вниз, прямо в личиночную камеру, куда нам предстояло добраться в специальной вагонетке, сильно смахивающей на ведро, к которому приспособили колеса.

Барнар и я были снаряжены в соответствии со стоявшей перед нами задачей и чувствовали себя смертельно оскорбленными полным отсутствием даже тени достоинства в этом наряде. На нас не было почти никакой одежды, кроме крепких сандалий на ногах, кожаных юбочек на бедрах да поясов с карманами, в которых лежали все необходимые инструменты и оружие. А еще мы были с ног до головы в краске. Волосы, кожа, одежда, оружие, каждый квадратный дюйм наших тел и всего, что их покрывало, был выкрашен в кричаще-оранжевый цвет. Нам пришлось окунуться в бочку с краской, наподобие титаноплодов, которых заставляют с головой заходить в бассейн, наполненный жидкостью от паразитов. Разумеется, об этой практике мы знали заранее, да и кто не знает? Не что иное, как эта странная «дыра в глазу» Пожирателей, полная невосприимчивость гигантами оранжевого (или того оттенка, который он принимает при голубоватом освещении Гнезда), делает возможной и саму откачку, да и всю живичную индустрию в целом. Этот дефект зрения Пожирателей с незапамятных времен обогащал человечество и обеспечивал вящее процветание его стад по всему миру.

Но знать – это одно, а стоять у спуска в шахту при ярком свете дня, льющемся внутрь главного здания сквозь дыры в потолке, практически голым и тыквенно-рыжим, точно карнавальный клоун, – это совершенно другое. Терпеть такой позор и надругательство накануне не менее унизительного спуска в ведре в недра горы, знать, что впереди тебя ждет тяжкий труд, сопряженный со многими опасностями, и быть не в состоянии получить у Костарда жизненно важную информацию – нет, от этого можно было просто сойти с ума.

– Или ты скажешь, – загудел Барнар, – каким образом ты заработал эту царапину на лбу, или мы отныне и навсегда предоставим твою шахту ее судьбе! Тебя заметили, так ведь? Несмотря на краску, Пожиратель увидел и схватил тебя? Почему это произошло?

– Я поскользнулся, – с холодным достоинством ответил молодой человек, – на экскрементах личинки.

Вскоре мы уже были в курсе основного содержания этой истории, как нам ее поведал раздражительный юноша. Поскользнувшись на экскрементах, он не позаботился о том, чтобы обтереть сандалии, движения которых стали заметны гигантам, поскольку краску на них частично скрывала грязь. Одна из вечно бодрствующих Нянек, которые кормят личинок и ухаживают за ними, бросилась на него с явным намерением сожрать, – очевидно, приняла его за паразита, – и Костард бросил свой флакон с сильно пахнущим веществом (средство предосторожности, которым снабжают каждого спускающегося вниз откачника) в самый последний момент. Умиротворенная ароматом, Нянька тут же принимает невезучего откачника за отпрыска своего собственного народа и заботливо водворяет его между остальных личинок. То, что Костард отделался лишь небольшой царапиной, свидетельствует о совершенстве устройства гигантских челюстей Пожирателей, которые способны с такой нежностью обращаться со столь мелким по их масштабам объектом, как человек.

Мы были чрезвычайно раздосадованы тем, что Костард предпочел бы принести полезный урок, извлеченный нами из этого происшествия, в жертву собственному тщеславию: мы должны зорко следить за тем, чтобы ни пятнышка грязи не пристало к нашим клоунским нарядам, ибо любая соринка делала нас частично видимыми для гигантов, которых мы обворовывали.

Слишком скоро наступил момент, когда мы должны были шагнуть в вагонетку-ведро и лишить себя счастья видеть небо и солнечный свет, наслаждаться ветром, дождем и звездами. И все же Барнар, прежде чем захлопнуть за нами крышку люка, не удержался от последних наставлений племяннику.

– Смотри, не упусти возможность воспользоваться помощью, щедро предложенной тебе Бантом, – поучал он. – Мы будем слишком заняты, обучаясь этому делу внизу, так что наверху все должно идти гладко. – Ледяной кивок Костарда показался нам не слишком обнадеживающим. Он все еще кидал на Банта полные непримиримого недоверия взгляды, – можно было подумать, что молодой осел подозревает скрытое коварство в неизменном миролюбии и доброжелательности пасечника.

– Слушай, Костард, – вставил я. – Прими помощь, которую предлагает Бант. Тебе нужна помощь. Разве упадок этого некогда величественного предприятия, – тут я высунул из ведра руку и взмахнул ею, указывая на окружавшее нас пустынное здание, – не подсказывает тебе, что ты, возможно, оказался не на высоте в качестве управляющего?

Костард стоял не шевелясь, точно громом пораженный: видно, мое причудливое предположение далеко превзошло самые дикие его фантазии.

– Хватит! – прогудел Барнар. – Давай спускаться, быстрее начнем – быстрее кончим. Запомни, племянник, две недели, не больше! Готов, Ниффт?

– Да, – вздохнул я. Барнар захлопнул дверь в шахту. Тросы пришли в движение, и мы с грохотом поползли в темноту.

Заглотивший нас каменный пищевод пропитывал едва ощутимый запах, выдававший присутствие какого-то животного, который становился тем сильнее, чем глубже мы опускались, пока не превратился наконец в резкую вонь звериного логова. Несколько лет тому назад в нескольких сотнях лиг от этого места мы с Барнаром уже спускались однажды в глубину гор Кайрнского континента (о чем рассказывается в «Рыбалке в море Демонов»), и теперь, погружаясь в скрипучую, гремящую тьму, мы оба вспоминали то приключение.

Однако теперь аура, в которую мы соскальзывали, была явно не демонического происхождения. Запах Гнезда был более жизнеутверждающим, оно дышало плодородием и неукротимой энергией. Наш спуск напоминал не погребение заживо, но вход в святилище божества, бурлящее и кишащее примитивной жизнью.

Мы давно были готовы к остановке вагонетки – и она наконец остановилась с громким металлическим лязгом, – ибо аура Гнезда стала настолько сильной, что воздух, казалось, гудел

вокруг нас, и все же финальный толчок, свидетельствовавший, что путь вниз завершен, заставил учащенно забиться мое сердце.

Прямо перед нами призрачно светился прямоугольник тонких голубых линий: дверь в личиночную камеру. Пошарив, я нащупал задвижку и резким движением распахнул люк.

Только ощутив болезненный укол разочарования, я осознал, насколько напряженным было мое ожидание. Никаких гигантов там не было, дверь вела всего-навсего в наполненную инструментами подсобку, просторное естественное углубление в стене детской. Здесь, на нашей базе, лежали мешки с инструментами, стояли шкафчики с припасами, тюки и коробки с провизией, висела пара гамаков. Все было оранжевое, под стать нам самим, точнее, в бледном голубоватом свете подземелья мы и все нас окружающее приняли дымчато-серый оттенок.

– Вперед же! – выпалил я. И мы почти бегом устремились в камеру, так нам не терпелось встретиться лицом к лицу со своими страхами и превозмочь их.

Постройки, возведенные человеком, включая даже замки волшебников, ничто по сравнению с одной-единственной камерой, вырытой Пожирателями. Фосфоресцирующий грибок покрывал стены мраморными разводами, заполняя необъятное помещение неестественным синим свечением.

Гигантский провал, открывшийся на месте выбранного камня, ошеломил бы нас даже в том случае, будь он совершенно пуст. Но наполненный залежами личинок?.. Клянусь Ключом, Котлом и Трещиной! Да у нас по всему телу волосы дыбом встали! Каждая бледная веретенообразная форма была размером с торговый шлюп, и целые косяки их мерцали в этой гигантской лагуне голубого света, изобильная плоть громоздилась лоснящимися холмами, так что они напоминали греющихся на скалах тюленей. В густом полумраке подземелья, круглые, как бочонки, с маслянисто поблескивающими боками, бесчисленные личинки походили именно на то, чем они и были на самом деле: пузатые цистерны беспримесного питательного вещества.

– Взрослый! Нянька! – Барнар схватил меня за руку и развернул в другую сторону. Громада ее тела плыла к нам по морю личинок. Она была больше океанского галеона, а двигалась легко и изящно, как будто ничего не весила. Ее сложно устроенные челюсти – черные жвала, напоминающие оленьи рога, – беспрестанно двигались, измельчая какой-то кусок плоти. Она протанцевала между рядов своих подопечных, остановилась недалеко от нас и принялась перекладывать пережеванную массу в раскрытый клюв на конце одной из голодных личинок. Пищей, несомненно, служило мясо демонов.

Личинка с жадностью поглощала угощение. Только торчавшие с разных сторон заостренная головка и хвост могли двигаться относительно свободно; хвостик этой личинки так и ходил из стороны в сторону в такт деловитым движениям ее маленьких черных челюстей.

Долго-долго мы не могли двинуться с места, наблюдая за тем, как приходили и уходили Няньки, как Лизуны, величиной почти не уступавшие им, патрулировали стены камеры и кормили своей слюной святящийся грибок. В деятельности взрослых особей были свои приливы и отливы: иногда их бывало немного и они разбредались далеко друг от друга, временами, наоборот, они буквально переполняли камеру, кормя по дюжине личинок за раз.

Изорванные в клочья тела демонов, которые приносили Няньки, поступали, как нам было известно, через внешние туннели от могучих Фуражиров, которые собирали дань с подземного мира далеко внизу. Иногда фрагменты добычи были еще живы и подавали голос, болтая и хихикая на пути к месту вечного упокоения внутри тела личинки. Но, не считая их инфернального бормотания, вся жизнь гигантов протекала в относительном молчании и тишине, лишь изредка нарушаемых шелестом трения хитинового панциря о камень да приглушенным цоканьем когтей по полу пещеры.

Мы все смотрели и смотрели, пораженные. Зверский по своей жестокости грабеж, ради которого мы явились сюда, показался нам, в те первые мгновения, самым высокомерным бре-

дом, с которым мы когда-либо сталкивались. Да как можно осмелиться убивать детенышей этих потрясающих гигантов прямо у них на глазах? Мы застыли, парализованные этой мыслью.

Поначалу, когда способность двигаться только вернулась к нам, мы были робки и скромны чрезвычайно. Потом постепенно осмелели. Наконец, когда наша самоуверенность возросла настолько, что мы отважились сплясать джигу, размахивая руками прямо перед носом одной из Нянек, которая стояла не более чем в двух саженях от нас, в ее черных фасетчатых глазах мы не увидели и тени подозрения: она нас не замечала.

Не оставалось никаких сомнений, что мы располагаем полной свободой заниматься тем, ради чего пришли. Но отлучиться по сулящему небывалые выгоды поручению Банта можно будет не раньше, чем мы поставим Костарду наверх немного живицы. И потому, испытывая страх и неприязнь к стоявшей перед нами задаче, мы все же принялись за ее выполнение.

Трубки для откачки, или «сосунки», как их еще называли (все восемь, разумеется, выкрашены в оранжевый цвет), расходились, точно паучьи ноги, из пробуренного в потолке камеры отверстия. Каждая трубка крепилась к вбитым в потолок камеры скобам при помощи крепкой эластичной тетивы, перехватывавшей ее через равные промежутки. При помощи длинного шеста с изогнутым концом, известного как крюк, откачник подцеплял трубку и подтягивал ее поближе к облюбованной им личинке; когда он выкачивал из нее все и отпускал трубку или когда той случалось каким-то образом выйти из-под его контроля, эластичные тетивы прижимали ее к потолку, от греха подальше, ибо, хотя шланги и оставались невидимыми для Нянек, те, повинуясь врожденному инстинкту уничтожать любой мусор, который попадался им по дороге, могли попросту оборвать и смести их, если бы вдруг случайно о них споткнулись.

Наша задача, короче говоря, сводилась к тому, чтобы залезть на личинку при помощи пары «когтей», подцепить на потолке шланг, подтянуть его поближе и вогнать его конец (или «рыльце сосунка») в спину личинки, а потом потянуть за висевший в подсобке сигнальный шнур, чтобы наши помощники наверху начинали качать.

Мы скинули тяжелые пояса с инструментами, оставив при себе только оружие, которое повесили за спину. Потом, неуклюже с непривычки, прицепили «когти» к ступням и лодыжкам и взяли в руки крючья на манер копий.

– Ну… – Голос мой прозвучал робко и безнадежно. – Как насчет вон той, что поменьше? Она и выглядит потише, не так дергается, как остальные.

– Согласен, – ворчливо одобрил Барнар. – Начнем помаленьку.

Хотя у нас было такое чувство, будто человеческий мир остался позади давным-давно, мы не вступили по-настоящему в мир Пожирателей, пока не коснулись впервые их плоти. Спина личинки была чуть шероховатая на ощупь, светящаяся и маслянистая, как старый пергамент. Мы скользили и теряли равновесие до тех пор, пока не научились вгонять в нее «когти» со всего размаха. Я все никак не мог поверить, что юная великанша подо мной останется безучастной к стальному укусу моих шипов. Взбираясь на нее, я ощущал толчки медленного, но мощного, как землетрясение, пульса, а вместе с ним и еще что-то: какое-то клокотание, словно у личинки были проблемы с пищеварением.

Но вот мы уже стояли, неловко балансируя, на спинном бугре личинки; пузыристая почва под ногами заставляла нас поминутно оскользываться, и потому первые опыты с крюком оказались не слишком удачны. Наконец я сумел подцепить ближайший шланг с металлическим наконечником. Я перехватил его ближе к середине, чтобы дать Барнару свободу маневра. Двумя руками он поднял наконечник высоко в воздух.

– Ну ладно, – буркнул он и со всего размаха воткнул наконечник в пузыристый бок личинки.

Можно только представить, с каким ужасом ждали мы, к чему приведет этот удар, равно как можно вообразить всю глубину нашего облегчения, когда мы убедились, что личинка под нашими ногами не шелохнулась. Ее сердце продолжало биться так же размеренно, как и

раньше; в брюхе, правда, забурчало сильнее, чем прежде, но это была единственная ее реакция на внедрение постороннего предмета в ее плоть.

Один удар сердца… второй… третий. Мы перевели дух и, ухмыляясь, уставились друг на друга. И тут я увидел, как у Барнара упала челюсть. Я обернулся, взвизгнул от ужаса и выдернул Бодрого Парня из ножен, которые болтались у меня между лопаток.

Я почти опоздал: утыканный шипами черный жук, размером вдвое больше любого нормального ползуна, навис надо мной, оскалив клыки. Мне только-только хватило места, чтобы замахнуться мечом, и мой Парень отсек клык и переднюю ногу устрашающего личиночного паразита – а это была она, Сосущая Звезда, и мешочек в нижней части ее живота едва не лопался от переполнявших его яиц. Отступив едва ли на шаг, она встала на дыбы, полная боевого пыла, покрытые шипами щупальца метнулись ко мне. У Звезды не было никакого желания покидать гостеприимную хозяйку; нам посчастливилось напасть на паразита, полного яиц, готового зарыться в мякоть беззащитной личинки, чтобы там, подальше от глаз бдительных Нянек, устроить гнездо для будущего потомства. Яйца как раз созрели, ареал обитания для отпрысков найден, так что чудовищу не было смысла уходить. Барнар выдернул наконечник и послал шланг назад, к потолку, затем выхватил свою палицу, Веселого Громилу, и покалечил еще две ноги по левому боку паразита. И вдруг, заметив что-то у меня за спиной, заревел:

– Ниффт! Прыгай!

Не однажды мне доводилось избежать верной смерти только потому, что я слушался интонаций голоса моего друга. Сделав сальто назад, я перевернулся в воздухе и приземлился точно на ноги. Мы кинулись в тень между двух соседних ли-*чинок. Высоко над нами сверкнули полушария глаз Няньки. Вот ее голова качнулась вниз и тут же снова взмыла в воздух с зажатой во рту Сосущей Звездой, которая уменьшалась прямо на глазах, исчезая между работающих, точно ножницы, челюстей.

Но на этом усилия Няньки по наведению порядка отнюдь не закончились. Она снова опустила голову, точно принюхиваясь к обмякшей личинке, ее усики-антенны мелко дрожали, будто от любопытства. И вдруг при помощи передних ног и челюстей она оторвала личинку от земли и начала пожирать ее, не сходя с места. Та даже не пыталась сопротивляться; ее бледная мясистая туша нависла над нами, словно луна, и, подобно ночному светилу, таяла в свирепых объятиях Няньки, а живица дождем лилась на камни вокруг нас.

Такова была безжалостная в своем совершенстве экономия Гнезда: увечные и больные отпрыски шли в пищу более сильным и жизнеспособным, возвращаясь таким образом в коллективное тело племени; здесь ни одному импульсу энергии не давали пропасть даром. Нянька еще раз опустила голову и собрала с пола все до последней крошки. Ее глаз оказался всего в каких-то пяти шагах от нас. Луч ее взгляда скользнул по нам и не признал. Покончив со своим делом, она выпрямилась и заспешила прочь.

VII

Где Цель и Действие запутались в борьбе,
Там нетверда рука, что грабит колыбель!

Мы отправились в подсобку, где нас ждал безрадостный обед: отвратительное мясо, безвкусные, точно мел, галеты, кислое вино. По всей видимости, на шахте «Верхняя» считали каждый грош, когда речь заходила о провизии для рабочих. После этой трапезы мы с Барнаром отправились еще разок прогуляться вдоль личиночных отмелей. Но теперь мы были начеку и вскоре стали примечать важные детали.

Окинув личинок более опытным взглядом, мы поняли, что паразиты у них не такая уж редкость; теперь мы знали, что они имеют обыкновение прилепляться к нижним, затененным сторонам их туш, подальше от зорких глаз Нянек. К тому же страдающие от паразитов личинки нередко обнаруживали характерные признаки болезненного состояния: дряблость, потускневшую кожу, недостаточный размер. Другое открытие мы сделали, пройдя еще немного вперед и посмотрев внимательно по сторонам: оказывается, Няньки довольно часто хватали и поедали страдающих от паразитов личинок, когда симптомы заболевания у тех начинали бросаться в глаза. Таким образом, мы научились отличать здоровых личинок от больных и поняли, почему следует избегать последних.

Тут мы заметили еще одну отвратительную Сосущую Звезду: с полным мешком яиц, она деловито проедала дыру в боку хозяйки. Я невольно содрогнулся и заметил:

– Наших конкурентов красавицами не назовешь.

– Но деятельность их приводит к тому же результату, что и наша: пустой мешок вместо здоровой толстой личинки.

– Философствуй сколько тебе угодно, – отозвался я, – но наш вампиризм во всех смыслах куда элегантнее того, что вытворяют эти колючие мерзавки. Бр-р-р!

– Ну да. Точнее сказать, он был бы элегантнее, если бы мы взялись наконец за дело.

Но мы все откладывали начало нашего предприятия, бродя вместо этого вдоль залежей личинок и наблюдая за всем, что происходило вокруг. Мы поняли, что лучше избегать участков, где давно не убирали естественный мусор (экскременты личинок, наиболее жесткие фрагменты корма, такие, как рога, колючки, копыта, иглы и челюсти демонов). Няньки могли в любую минуту наведаться туда, чтобы подъесть мусор. Сходным образом, те части стен камеры, грибковый нарост на которых недавно получил дополнительную подпитку в виде слюны Лизунов, отдавали свет более интенсивно и потому были более привлекательны для Нянек.

Сделав все эти полезные наблюдения, мы решили больше не откладывать следующую попытку. На этот раз выбор пал на упитанную здоровую личинку, лежавшую в недавно очищенном уголке, подальше от яркого света, и окруженную столь же здоровыми с виду соседками.

Довольно уверенно мы взобрались при помощи «когтей» по ее крутому боку и, почти не шатаясь, зашагали по округлости спины. Решив бить прямо в середину, я нарисовал острием «когтя» крест на ее горбу. Снова наши крюки зацепили ближайший шланг. Снова Барнар подтянул его пониже и вогнал конец в намеченную точку. Личинка даже не вздрогнула. Я закрепил конец при помощи четырех металлических крюков, которые воткнул в ее шкуру.

Правила ведения откачки предписывали мне оставаться на личинке рядом с клапаном и наблюдать за ним, а Барнар должен был пойти в нашу подсобку и при помощи специальных шнуров подать наверх сигнал включать насосы. Я проводил его взглядом. Стоять одному на спине у личинки было не очень-то приятно, и я начал беспокойно озираться по сторонам. В

памяти, как назло, начали всплывать самые неприятные описания Крабовой Крысы, главного конкурента Сосущей Звезды в борьбе за пропитание.

Барнар появился из подсобки и жестами показал, что дело сделано: на определенное количество рывков снизу, означавшее требование включить насос на шланг номер три, пришел ответ Костарда – комбинация щелчков.

Мгновения тянулись, но ничего не происходило. Этой паузы вполне хватило для того, чтобы у меня пробудились мрачные мысли о некомпетентности Костарда в наземной части работы. Я уже хотел было просить Барнара просигналить еще раз, как вдруг шланг зашипел и личинка подо мной ощутимо вздрогнула.

Насос включили на слишком большую мощность; он пил с такой ожесточенной жадностью, что спина личинки начала прогибаться вовнутрь, отчего я стал терять равновесие, да еще и гигантский младенец подо мной принялся отчаянно извиваться. Упав на четвереньки, чтобы не свалиться на пол, я заорал:

– Убавьте мощность! Убавьте мощность! У личинки судороги!

Как только крик вырвался из моей гортани, я буквально сжался от страха, ожидая последствий, которые, вкупе с настораживающим эффектом конвульсий личинки, должен был навлечь на меня этот вопль. Половину вечности я провел, пытаясь удержаться на содрогающемся холме маслянистой плоти.

И тут насос заглох, – похоже, вовремя, так как ни одна из работавших в отдалении Нянек пока еще не направлялась в мою сторону. Теперь наша жертва уже не была такой упругой, как вначале, ее объем уменьшился почти на четверть. Она все еще подергивалась, но уже гораздо слабее, чем раньше. Мы ждали, Барнар и я, ощущая напряжение друг друга через весь зал.

И снова шланг дернулся, правда на этот раз так, как будто хотел выскочить из личинки. Некоторое время я колебался, но страшное подозрение росло. Прошло мгновение, и я понял, что не ошибся. Личинка надувалась, причем быстро, мясистая почва у меня под ногами вздымалась прямо на глазах.

– Этот идиот продувает! – снова завопил я. – Разверни насос! Разверни насос! Он его продувает!

И снова Барнар нырнул в подсобку. Я обшарил взглядом камеру. Кажется, одна из Нянек вон там, вдалеке, повернула антенны в мою сторону? Показалось, наверное. Личинка продолжала угрожающе надуваться, поднимая меня все выше и выше. Я знал, что меха, приводимые в движение командой плодов, были устроены так, чтобы можно было нагнетать воздух в обратном направлении, если случится нужда прочистить засорившиеся шланги. И вот теперь пузырьки воздуха под сильнейшим давлением устремлялись во внутренности личинки, раздувая их и выдавливая еще остававшуюся в них жизненную силу. Ее голова и хвост некоторое время трепетали, потом замерли. Выше, выше, выше вспучивалась скользкая податливая оболочка. Вот личинка уже достигла половины размеров самых крупных своих соседей.

– Все еще дует! – взвыл я.

– Не отвечает! – прогудел Барнар. – Я уже четыре раза сигналил! Ты только посмотри на нее, Ниффт! Прыгай, Ниффт, клянусь Трещиной, прыгай!

И я прыгнул в ту же секунду. Потом собственное невежество показалось мне очевидным и смехотворным. Одного Удара меча хватило бы, чтобы спасти личинку, и у нас еще осталось бы довольно шлангов для работы.

Но тогда я был слишком взволнован и прыгнул, хотя и в последний возможный момент. Однако еще прежде, чем подошвы мои коснулись пола, личинка взорвалась, её спинная часть взлетела в потолок фонтаном лохматых клочьев мяса, сала и облаком кровавых жирных брызг, а мгновение спустя все это начало шлепаться вниз, точно содержимое какого-то отвратительного рога изобилия. Здоровенный кусок сала шмякнулся прямо на меня, пригвоздив меня к месту.

Побарахтавшись некоторое время под этой тяжеленной жирной мантией, я смог наконец выглянуть наружу. Едва я обтер лицо и огляделся, как крохотный клочок моего подземного неба заполнили, блестя глазами, шевеля усиками и челюстями, две Няньки.

Их решение было молниеносным. Не теряя ни секунды, они принялись подъедать клочки разорвавшейся личинки. Я сделал движение, чтобы встать, и тут же абсолютно ясно увидел, что одна из Нянек меня заметила. Я застыл на месте, сообразив, что произошло: перепачкавшись личиночным салом, я превратился в видимый кусок движущейся пищи. Впрочем, двигаюсь я или нет, а Нянька все равно меня съест, как только дойдет до того места, где я лежу.

Не двигаясь с места, я отважился начать соскребать жир – осторожно, полегонечку! – сначала с лица и волос, потом с шеи, дюйм за дюймом добрался до груди… И вот с головы до пояса я снова стал оранжевым, с оглядкой снимая с себя нечаянно приобретенный личиночный лоск.

Все это время громадные челюсти продолжали рвать, мять и пилить. Хватая, деля на части, всасывая пищу, челюсти Нянек служили рачительными руками Гнезда, которые подбирали мельчайшие крохи погибшего организма, чтобы напитать ими живущих. Величие этого зрелища, в котором не было ничего личностного, тронуло меня, несмотря на мою собственную переделку. Незримое присутствие Горной Королевы, ее неумолимое провидение были разлиты в воздухе, жизнь заполняла все туннели и камеры Гнезда, словно единый мощный дух, сверкающий в каждой паре глаз, приводящий в движение' миллионы и миллионы челюстей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.